

Константин Бальмонт

ИЗ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поэзия – светлый и свежий водоем, и когда душа прикасается к этой влаге, она пьет из источника вечной юности.

Поэзия – горнило преображающего огня, в нем руда отбрасывает от себя бремя земной пыли, и остается лишь драгоценный металл.

Жить в светлом воздухе Мировой Поэзии, значит – жить вдвойне и слышать в сердце крылатую птицу.

Из многочисленных достижений, отмеченных именами мировых поэтов, в этой книге много собрано то, что будило во мне особенную любовь, цветы, которые цветут и в жестоком ветре нашей действительности не увядают.

К. Бальмонт

1920. 8 октября

Париж

ПЕСНЬ О СИГУРДЕ

(Отрывок из Эдды)

Юный Сигурд пришел ко двору властителя Гьюки, и принят был дружески.

Он заключил с сыновьями властителя, Гуннаром и Хегни, кровный союз побратимства, и в брак вступил с дочерью его, Гудрун.

Он отправился в путь вместе с Гуннаром, чтоб его поддержать при его сватовстве к Брингильд, которая, в замке, овеянном пламенем, противилась всем женихам.

Нашли они зал и огонь, и видят там замок с златою кровлей, а снаружи, кругом того замка, пылал огонь.

Гуннар ехал на Готи-коне, а у Хегни был конь-Хольквир.

Гуннар горячит жеребца, направляя в огонь, но конь отступает, дыбась.

Сигурд говорит: «Почему отступаешь, Гуннар?» Тот говорит: «Не хочет скакнуть в огонь жеребец».

И просит Сигурда, чтоб ему одолжил коня-Грани.

«Это возможно», промолвил Сигурд.

Едет Гуннар на огонь теперь, и Грани не хочет идти.

Гуннар не возмог проскакать чрез огонь.
Меняют они свои лики.
Едет тогда Сигурд, и меч-Грамм у него в руках, на ногах золотые шпоры.

Огонь забился,
Как сумасшедший.
До неба пламя,
Земля дрожит.
И мало кто
Из свиты мужа
К огню поехал,
Чтоб проскочить.
Сигурд же – Грани
Мечом, не шпорой,
Пред благородным
Огонь погас.
Пред жадным к славе
Все пламя – книзу,
Сверкнула сбруя,
Звенит узда.

Сигурд вступил в пламя, нашел там жилище прекрасное, а в жилище сидела Брингильд.

Она вопрошает, кто муж.
Он себя называет Гуннар, сын Гьюки.

«Ты мне предназначена в жены по твоему же решенью, раз я проскакал через яркое пламя, рассек твой пчелиный сот».

« – Не знаю я точно, какой я должна тебе дать ответ», говорит она.

Сигурд на мощеном полу перед ней стоит, опершись на меч, и так говорит к Брингильд:

«Великий я дам тебе свадебный выкуп, золотом дам его и драгоценностями».

С сиденья она своего отвечает ему, заботой объятая, словно лебедь в волне, и меч у нее в руке, на голове ее шлем, была она в латах.

«Гуннар», говорит она, «не говори мне подобного, если не выше ты каждого мужа, а тогда ты должен убить всех тех, кто искал меня, если на это дерзнешь. В битве была я с конунгами, с Гарда-властителями, и окрашено было оружие мое кровью мужей, и еще мне желается этого».

Он отвечал:

«Много ты совершила великих деяний, но вспомни теперь свой обет, что, если чрез этот огонь на коне кто проскачет, ты пойдешь тогда с мужем свершителем».

В этом она получила ответ настоящий и знак указующий речи, встала, услышав, и дружески кланяется.

Там он проводит три ночи, и делят они постель.

Он вынимает меч-Грамм и кладет обнаженным его меж собою и ей.

Она вопрошает его, что должно означать это.

Он говорит, что ему суждено было, чтоб так он вступил со своею супругою в брак, иначе же – смерть.

Тогда он кольцо у нее взял, и дал ей другое кольцо из наследства Фафнира-Дракона.

Он едет затем через тот же огонь к сотоварищам.

И снова меняют они свои лики.

Был день, что они, те две женщины, вместе купаться пришли к реке.

Дальше Брингильд ушла, чем Гудрун. Спросила Гудрун, что это значит.

Брингильд говорит:

«Почему тебе в этом я должна равной быть, или в чем другом? Мне казалось, отец мой могущественней твоего, я думала также, мой муж совершил много бесстрашных деяний, и чрез горячий огонь проскакал на коне. А муж твой – слуга у Иальпрэка конунга».

С гневом Гудрун отвечает:

«Была б ты умнее, когда бы молчала, чем мужа язвить моего. Слово есть всех мужей, что такого, как он, не рождалось, и порочить его не пристало тебе, потому что он первый твой муж, и им это был Фафнир умерщвлен, и он проскакал через яркое пламя, где Гуннара ты конунга думаешь видеть, и он это был, что с тобою лежал, и кольцо тебе дал с руки своей, и кольцо твое взял, и вот, его можешь признать».

Брингильд на кольцо поглядела, и признала его.

Она побледнела, как будто бы мертвой была.

Брингильд домой возвратилась, и ни слова не молвила в вечер.

Приходит Гуннар, вопрошает, что значит ее печаль, и не может ли он ей помочь.

Брингильд говорит: –

«Жить не буду я. Потому что Сигурд обманул меня, и не меньше тебя обманул, когда ты дозволил ему войти в постель мою. Не буду я двух мужей в чертоге иметь одним. Должен Сигурд умереть, или я, или ты, потому что он все рассказал Гудрун, и она попрекает меня.

В мести клянется Гуннар.

К Хегни он держит речь, о Сигурде советуется.

«В чем преступленье»,

Промолвил Хегни,

«Что ты задумал

Его убить?»

« – Сигурд дал клятву,

Нарушил клятвы,

Он мой обманщик,

Хранитель клятв».

« – Брингильд на злобу

Тебя смущает.

Внушает злое,

Чтоб боль свершить.

К Гудрун в ней зависть

За брак хороший,

Тебе зловолит

За добрый брак».

Одни взялись тут

За волчье мясо,

Другие взяли

Куски змеи.

Изжарив, дали

Поесть Готторму.

Вкусил он волка

Пред делом злым.

Змеи поели,

Пред тем как руку

Поднять на мужа,

Который мудр.

Сигурд сражен был,
На юг от Рейна,
И с ветки ворон
Так провещал: –
«Властитель Гуннов,
Могучий Атли,
Окрасит кровью
Свои мечи.
Для тех, кто спорщик,
Уничтоженье,
В неверной клятве
Удар мечом».

Гудрун, дочь Гьюки,
Стоит на воле
И первым словом
Так говорит: –
«Властитель смелых,
Сигурд, Сигурд где?
Мои родные
Глядят вперед!»
Но ей ответил
Один лишь Хегни: –
«Зарублен нами
Мечом Сигурд.
Зарублен смелый,
И над могучим
Главу склоняет
Лишь серый конь».
Брингильд тут смехом
Так разразилась,
Что содрогнулся
Кругом весь двор.

«Вам будут земли,
И каждый – витязь,
Затем что смелый
Сражен мечом».
Гудрун, дочь Гьюки,
Тогда сказала: –
«Злодейски-злобны
Твои слова.
Пусть сила злая
Сомнет Гуннара.
Кто жаждал мести,
Увидит месть».
Брингильд, дочь Будли,
Тогда сказала: –
«Вам будут земли,
Ваш будет меч.

Но всем бы правил
Сигурд, когда бы
Еще немного
Он пожил здесь.
И не пристало б
Владеть Сигурду
Наследством Гьюки
И Готов тьмой,
Когда родил бы
Во власть народу
Он жадных к битве
Пять сыновей».

Был поздний вечер,
Испили много.
Была беседа,
Как сладкий мед.
И все заснули,
Кто лег в постели,
Но всех позднее
Не спал Гуннар.
Ногою двигал,
О многом думал,
Сразитель воинств,
Он размышлял,
О чем на ветках
Там говорили
Орел и ворон
Над их путем.
Брингильд проснулась,
Не спит дочь Будли,
Потомок царский,
Пред светом дня.
«Хоть побуждайте,
Хоть мне мешайте,
Беда случилась,
Я скорбь скажу».
Услышав это,
Все замолчали,
Не разумея
Тот женский крик.
Она же с плачем
То рассказала,
К чему со смехом
Звала мужей.

«Гуннар, о, страшный
Мне сон приснился,
Все мертвы в зале,
Как лед постель.
А ты, властитель,
Лишен отрады,

В оковах едешь
В войска врагов.
Весь род Нифлунгов
Лишится силы,
Клятвопреступны
Вы все, вы все.
Ты не подумал,
Гуннар, что вместе
Вы с ним вступали
В кровавый след.
Ему ты злою
Отмерил мерой,
За то, что первым
Тебя признал.
Сдержал он клятву
Перед тобою,
Когда бесстрашно
Пошел в огонь.
Сдержал он клятву.
Как мой искатель,
А ты нарушил,
И преступил.

За тем, кто смелый,
С бесстрашным сердцем,
Как лебедь с влаги,
Я улечу.
Я с ним в пыланьи
Соединилась,
И смерть судила
Нам вместе быть.
Был меч меж нами,
Меч закаленный,
И с каплей яда
Вдоль лезвия.
С тобой я буду,
Мечом сраженный,
И окруженный
Волной огня!»

Все совершилось
По предвещанью,
Кто был убийца,
Убит был сам.
Гуннар был брошен
Во двор, где змеи,
Напрасно арфой
Их чаровал.
Грозой был Атли,
Рубили Гунны,
Был звон оружия,
Был стук копыт.

Теснились кони,
И в звуках ржанья
Промчались клики
Богатырей.

И мститель Атли,
Хмельной, упившись,
Был безоружный
Убит Гудрун.
За братьев мстила,
Собак спустила.
И кровь излила
Концом меча.
Сожжен был замок,
Дымились стены
Чертогов пышных
И кладовых.
Упали балки
На пепелище,
Сгорели жизни,
Пылал огонь.

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ГРУЗИНСКАЯ ОДА К ТАМАР

Тамар, тебя пою, ты – солнце незаходящей красоты
Твой стан точеный тонко строен и кроткий лик являешь ты.
Тамар, эфир молниеносный, словесный луг целебных трав,
Ларец познаний, ключ, текущий среди эдемowych дубрав.
В щедротах ты подобна морю, высоким духом – небесам,
Ты – милосердье, и смиренность, и упоение глазам.
Из края в край идя с победой, и славой тронув гуд струны,
Ты победителей сразила, они тобой побеждены.
Ты с Богом разделила страсти Его взнесенного креста,
В горах ты утвердила веру, их высота тобой свята.
Все люди власть твою признали, и люди ль только слились в хор.
Тебе подвластны львы в равнине, тебе послушны барсы гор.
Тебя зовут светила – солнцем, тебя возносят семь планет,
Но для певцов ты недоступна, и до тебя дороги нет.

ЧЕТЫРЕСТРОЧИЯ ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ К ГРУЗИНСКОЙ ПОЭМЕ
12-ГО ВЕКА «НОСЯЩИЙ БАРСОВУ ШКУРУ»

Он, что создал свод небесный, он, что властью чудесной
Людам дух дал бестелесный, – этот мир нам дал в удел.
Мы владеем беспредельным, многоразным, в разном цельным,
Каждый царь наш, в лике дельном, лик Его средь царских дел.

Бог, создавший мир однажды, от тебя здесь облик каждый.
Дай мне жить любовной жаждой, ей упиться глубоко.
Дай мне, страстным устремленьем, вплоть до смерти жить томленьем,
Бремя сердца, с светлым пеньем, в мир иной снести легко.

Льва, что знает меч блестящий, щит и копий свист летящий,
Ту, чьи волосы – как чащи, чьи уста – рубин, Тамар, –
Этот лес кудрей агатный, и рубин тот ароматный,
Я хвалою многократной вознесу в сияньи чар.

Не вседневными хвалами, я кровавыми слезами,
Как молитвой в светлом храме, восхваляю в стихах ее.
Янтарем пишу я черным, тростником черчу узорным.
Кто к хвалам прильнет повторным, в сердце примет он копьё.

В том веление царицы, чтоб воспеть ее ресницы,
Нежность губ, очей зарницы, и зубов жемчужный ряд.
Милый облик чернобровой. Наковальнею свинцовой
Камень твердый и суровый руки меткие дробят.

О, теперь слова мне нужны. Да пребудут в связи дружной.
Да звенит напев жемчужный. Встретит помощь Тариэль.
Мысль о нем – в словах заветных, вспоминательно приветных.
Трех героев звездосветных воспоеет моя свирель.

Сядьте вы, что с колыбели тех же судеб волю зрели.
Вот запел я, Руставели, в сердце мне вошло копьё.
До сих пор был сказки связной тихий звук однообразный,
А теперь размер алмазный, песня, слушайте ее.

Тот, кто любит, кто влюбленный, должен быть весь озаренный,
Юный, быстрый, умудренный, должен ярко видеть сон,
Быть победным над врагами, знать, что выразить словами,
Тешить мысль, как мотыльками, – если ж нет, не любит он.

О, любить! любовь есть тайна, свет, что льнет необычайно.
Неразгаданно, бескрайно светит свет того огня.
Не простое лишь хотенье, это – дымно, это – тленьё,
Здесь есть тонкость различенья, – услышав, пойми меня.

Кто упорен в чувстве жданном, он пребудет постоянным,
Неизменным, необманным, – гнет разлуки примет он.
Примет гнев он, если надо, будет грусть ему отрада.
Тот, кто знал лишь сладость взгляда, ласки лишь, – не любит он.

Кто, горя сердечной кровью, льнул с тоскою к изголовью,

Назовет ли он любовью эту легкую игру.
Лхнуть к одной, сменять другою, это я зову игрою.
Если ж я люблю душою, – целый мир скорбей беру.

Только в том любовь достойна, что, любя тревожно, знойно,
Пряча боль, проходит стройно, уходя в безлюдье, в сон,
Лишь с собой забыться смеет, бьется, плачет, пламенеет,
И царей он не робеет, но любви робеет он.

Связан пламенным законом, как в лесу идя зеленом,
Не предаст нескромным стоном имя милой для стыда.
И, бежа разоблаченья, примет с радостью мученья,
Все для милой, хоть сожженье, в том восторг, а не беда.

Кто тому поверить может, что любимой имя вложит
В пересуды? Он тревожит – и ее и с ней себя.
Раз ославишь, нет в том славы, лишь дыхание отравы.
Тот, кто сердцем нелукавый, бережет любовь, любя.

Той, чей голос – звон свирели, нить свивая из кудели,
Песнь сложил я, Руставели, умирая от любви.
Мой недуг – неизлечимый. Разве только от любимой
Свет придет неугасимый, – или, смерть, к себе зови.

Сказку Персов, их намеки, влил в Грузинские я строки.
Ценный жемчуг был в потоке. Красота глубин тиха.
Но во имя той прекрасной, перед кем я в пытке страстной,
Я жемчужин отсвет ясный сжал оправою стиха.

Взор, увидев свет однажды, преисполнен вечной жажды
С милой быть в минуте каждой. Я безумен. Я погас.
Тело все опять – горенье. Кто поможет! Только пенье.
Троекратное хваленье – той, в которой все – алмаз.

Что Судьба нам присудила, нам должно быть это мило.
Неизменно, что б ни было, любим мы родимый край.
У работника – работа, у бойца – война забота,
Если ж любишь, так без счета верь любви, и в ней сгорай.

Петь напев четырёхстрочно, это – мудрость, знанье – точно.
Кто от Бога, – полномочно он поет, перегорев.
В малословьи много скажет. Дух свой с слушателем свяжет.
Мысль всегда певца уважит. В мире властвует напев.

Как легко бежит свободный конь породы благородной,
Как мячом игрок природный попадает метко в цель,
Так поэт в поэме сложной ход направит бестревожный,
Ткани будто невозможной четко выпрядет кудель.

Вдохновенный в самом трудном светит светом изумрудным.
Грянув словом многосудным, оправдает крепкий стих.
Слово Грузии могуче. Если сердце в ком певуче,

Блеск рождается в темной туче, в лете молний вырезных.

Кто когда-то сложит где-то две-три строчки, песня спета,
Все же – пламенем поэта он еще не проблеснул.
Две-три песни, он слагатель, но, когда такой даятель
Мнит, что вправду он создатель, он упрямый только мул.

И потом. Кто знает пенье, кто поймет стихотворенье,
Но не ведает пронзенья, сердце жгущих, острых слов,
Тот еще охотник малый, и в ловитвах не бывалый,
Он с стрелой запоздалой к крупной дичи не готов.

И еще. Забавных песен в пирный час напев чудесен.
Круг сомкнется, весел, тесен. Эти песни тешат нас.
Верно спетые при этом. Но лишь тот отмечен светом,
Назвется тот поэтом, долгий кто пропел рассказ.

Знает счет поэт усилью. Песен дар не бросит пылью.
И всему он изобилью быть велит усладой – ей,
Той, кого зовет любовью, перед кем блеснет он новью,
Кто, его владея кровью, петь ему велит звучней.

Только ей – его горенья. Пусть же слышат той хваленья,
В ком нашел я прославленье, в ком удел блестящий мой.
Хоть жестока, как пантера, в ней вся жизнь моя и вера.
Это имя в ток размера я поздней внесу с хвалой.

О любви пою верховной – неземной и безгреховой.
Стих об этом полнословный трудно спеть, бегут слова.
Та любовь от доли тесной душу мчит в простор небесный.
Свет сверкает в ней безвестный, здесь лишь видимый едва.

Говорить об этом трудно. Даже мудрым многочудна
Та любовь. И здесь не скудно, – многощедро, – пой и пой.
Все сказать о ней нет власти. Лишь скажу: Земные страсти
Подражают ей отчасти, зажигая отблеск свой.

По-арабски, кто влюбленный, тот безумный. Точно сонный,
Видит он невоплощенной уводящую мечту.
Тем желанна близость Бога. Но пространна та дорога.
Эти прямо, от порога, достигают красоту.

Я дивлюсь, зачем бесправно, то, что тайно, делать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь – стыдить?
Всякий срок здесь – слишком рано. День придет, не тронь тумана.
О, любовь – сплошная рана. Рану – нужно ль беречь?

Если тот, кто любит, плачет, это только то и значит,
Что в себе он жало прячет. Любишь, – знай же тишину.
И среди людей, среди шума, об одной пусть будет дума,
Но красиво, не угрюмо, скрытно, все люби одну.

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

РАДОСТЬ-ДИТЯ

«Нет мне названья,
Мне только два дня».
Как же назвать?
«Нет счастливей меня;
«Радость – названье мое».
Нежная радость
Да будет с тобой,
Светлая радость
Мечтой голубой
Смотрится в сердце твое.
Нежная радость,
Есть ли нежней?
Светлая радость
Только двух дней: –
Слушай с улыбкой,
Я песню пою,
Песней приветствую
Радость мою.

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК, ПОТЕРЯВШИЙСЯ

«Отец, отец, куда ты идешь?
О, не иди так быстро!
Ответь мне, отец, я твой маленький мальчик,
Иначе я потеряюсь».

Ночь была темна, не было отца,
Ребенок измок от росы;
Глубока была топь, и плакал ребенок,
И прочь улетали туманы.

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК, НАЙДЕННЫЙ

Маленький мальчик в пустынном болоте,
Влекомый блуждающим светом,
Начал рыдать, но Бог, всегда близкий,

Предстал, как отец, весь в белом.

Он склонился к нему, и за руку взял,
И, целуя, привел его к матери,
В то время как, бледная, в долине пустынной,
Она искала любимого мальчика.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сладость снов, сойди, как тень,
Сон, дитя мое одень.
Сны, сойдите, как ручей
Лунных ласковых лучей.

Сладкий сон, как нежный пух,
Убаюкай детский слух.
Ангел кроткий, сладкий сон,
Обступи со всех сторон.

Смех, сверкай во тьме ночей
Над отрадою моей.
Будь с ним лучшей из утех,
Материнский нежный смех.

Каждой жалобе шепни: –
Задремли и отдохни.
Каждой жалобе скажи: –
Крылья легкие сложи.

Спи, дитя, счастливым сном,
Целый мир уснул кругом.
Спи же, спи, родимый мой,
Я поплачу над тобой.

Предо мной священный лик
На твоём лице возник,
Твой Создатель здесь, во сне,
Горько плакал обо мне.

Как невинное дитя,
Плакал, глазками блестя,
О тебе и обо всех,
И слезами смыл наш грех.

И теперь глядит, любя,
Он с улыбкой на тебя,
В снах ребенка спит он сам.
Мир земле и небесам.

НОЧЬ

Скрылось солнце в сонной дали,
Горит вечерняя звезда.
Птицы в гнездах замолчали,
Я своего ищу гнезда.
Свод небесный высок,
И луна, как цветок,
Неба тихая дочь,
Ясно смотрит на ночь.

Мир вам, доли, рощи, нивы,
Где был восторг веселых стад,
Где, легки и молчаливы,
Блуждая, ангелы блестят.
Их нельзя увидеть,
Но от них благодать –
Всем листьям и цветам,
Всем вздыхающим снам.

То в кусты они заглянут,
Тепло ли птичкам в их гнезде.
То у нор звериных встанут,
Посмотрят, нет ли боли где.
Чуть кто горько вздохнет,
Пусть скорей он уснет,
Близ него посидят,
Усыпят ум и взгляд.

Если волки жадно воют,
Они, жалея их, стоят,
Грустным видом успокоют,
И малых агнцев сохранят.
Если ж, робок и тих,
Кто погибнет из них,
Всех загубленных тут
В новый мир поведут.

ТАЙНА ЛЮБВИ

Не ищи сказать любовь,
Рассказать ее нельзя.
Нежный ветер движется
Молча и невидимо.

Я сказал свою любовь,

Все ей сердце рассказал,
С трепетом и с ужасом.
Ах, она сокрылась прочь.

Только что ушла она,
Странник мимо путь держал,
Молча и невидимо.
Вздохом он унес ее!

НАСМЕШНИКИ

Насмехайтесь, Руссо и Вольтер, всюду дерзко роняйте
Свой смешливый, смеющийся, вечно-насмешливый взгляд,
Против ветра песок вы пригоршнею полной бросайте,
Тот же ветер его вам немедленно кинет назад.

Отразивши в песчинках божественных светов узоры,
В драгоценные камни сумеет их все превратить,
И, откинув песок, ослепит он бесстыдные взоры,
А дороги Израиля светят и будут светить.

Демокритовы атомы, точки, что носятся, споря,
Световые частицы Ньютоновой детской игры,
Это только песчинки на берегу Красного моря,
Где Израиль раскинул свои золотые шатры.

<1890-е годы>

ТИГР

Тигр, Тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?

В небесах иль среди зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Кто скрутил и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты был выкован – такой?

Чей был молот, цепи чьи,

Чтоб скрепить мечты твои?
Кто взметнул твой быстрый взмах,
Ухватил смертельный страх?

В тот великий час, когда
Возвала к звезде звезда,
В час, как небо все зажглось
Влажным блеском звездных слез, —

Он, создание любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тот же ль он тебя создал,
Кто рожденье агнцу дал?

КНИГА ТЭЛЬ

1

Дщери Серафима водили кругом
Свои золотые стада,
Все кроме младшей: Бледная,
Искала она сокровенного воздуха,
Чтоб увянуть, подобно утренней ясности,
Уйти от смертного дня своего.
Вниз по реке Адоне
Слышится нежный голос ее,
И как капли рассветные, капли росы,
Упадает тихая жалоба.
«О, жизнь вот этого Ключа,
Жизнь нашего Источника.
Для чего увядает водный лотос?
Для чего увядают эти чада Источника,
Рожденные только затем,
Чтоб улыбнуться и пропасть?
А! Тэль — как взнесенная влагою радуга,
И как уходящее облако,
Как отражение в зеркале,
Как тени в воде,
Как детские сны, как улыбка на детском лице,
Как голос тоскующей горлицы,
Как день преходящий, как музыка в воздухе.
А! если б хоть лечь мне тихонько,
Головою тихонько припасть,
И спать так, дремать,
Сном тихим, сном смерти,
И слушать тихонько голос Того,
Кто ходит в саду в вечернее время».

Дыша меж смиренных трав,

Скромная Лилия Долины
Отвечала кроткой девственнице так: –
«Я водная поросль, произрастение,
И такая я малая,
И люблю я быть в низких долинах,
Такая я слабая,
Что едва мотылек золотистый
На главе моей может присесть.
Но меня Небеса посетили,
И Тот, Кто взирает с улыбкой на все,
Проходя по долине,
Каждое утро,
Длань надо мною Свою простирает,
И мне говорит: –
Радуйся, травка смиренная,
Новорожденный лилейный цветок,
Кроткая дева долин молчаливых и скромных ключей;
Ибо ты будешь одета в сияние,
И будешь напитана манною утра,
Пока летний зной не растопит тебя,
Близ ручьев и ключей, чтоб ты расцвела
В бессмертных долинах».
«О чем же печалится Тэль?
О чем же вздыхать владычице Гарских долин?»
Она умолкла, в слезах улыбнулась,
И замкнулась в своем серебристом святилище.

И ответила Тэль: –
«О, смиренная дева мирной долины,
Дары свои тем отдающая, кто не может потребовать,
Безгласным, усталым; дыханье твоё
Питает ягненка невинного,
Он вдыхает воздух одежд твоих млечных,
Он срезает твои цветы,
А ты глядишь, улыбаешься прямо ему в лицо,
Стирая с его кротко-мягкого рта
Заразительность пятен.
Твое вино очищает
Золотистый мед;
Твое благовонье, которое ты рассыпаешь
По каждому малому листику возникающих трав,
Оживляет тучных коров,
Укрошает коней огнедышащих.
А Тэль – как неверное облако,
Зажженное солнцем встающим: –
Я исчезаю,
Я оставляю престол свой жемчужный,
И кто мое место найдет?»
«Царица долин», отвечала ей Лилия,
«Вопроси вон то нежное облако,
Почему оно искрится в утреннем небе,
Почему развеивает по влажному воздуху

Блестящестъ своей красоты.
Снизойди, о, малое облачко,
И помедли пред взорами Тэль».
Облачко вниз опустилось;
А Лилия кротко склонила главу,
И в мыслях заботам своим отдалась,
Многочисленным,
Среди зеленеющих трав.

2

«О, малое Облако»,
Промолвила девственная,
«Скажи мне, скажи, отчего ты не жалуешься,
Ведь ты увядаешь в единый час,
Мы поищем тебя – и вот, не найдем.
А! Тэль подобна тебе,
Я прохожу – но я сетую,
И мой голос не слышит никто».

Открыло тут облако
Свою золотую главу,
И его лучезарная форма
Скользнула, мелькнула, и, блистая по воздуху,
Предстала пред взорами Тэль.
«О, девственная, ты, значит, не знаешь,
Что пьют наши кони из тех златоструйных источников,
Где Люва сменяет своих лошадей?
Ты смотришь на юность мою и боишься,
Потому что вот я исчезаю,
И больше не видно меня?
Не остается ничто.
О, дева! Но я говорю тебе: –
Я, уходя, ухожу к жизни удесятеренной,
К миру, к любви, к святым восхищениям.
Незримо сходя, тяготеют
Бестелесные крылья мои
Над бальзамическим ликом цветов,
К Росе светлоглазой ласкаются,
Чтоб впустила меня она в свой золотистый шатер: –
Дева в слезах преклоняется с трепетом
Пред восходящим Солнцем,
Пока мы не встанем, соединенные,
Золотая сольет нас перевязь,
И никогда уже не разлучимся,
Блуждаем, соединенные,
Питая все кроткие наши цветы».

«Правда, о, малое Облако?
Я боюсь, что мы не похожи;
Потому что я прохожу по Гарским долинам,

И вдыхаю дыханье нежнейших цветов,
Но не питаю я малых цветов;
Щебетание птиц слышу я, но их не питаю,
Они улетают и сами находят свой корм.
Но Тэль им уж больше не радуется,
Ибо я увядаю.
И все скажут: «Без пользы жила
Эта блестящая женщина.
Не жила ли она лишь затем,
Чтобы в смерти быть пищей червям?»

Облако нежно склонилось
На своем воздушном престоле,
И так отвечало: «О, дева небес,
Если ты пища червям,
Как велико это, как велико благословенье твое.
Все, что живет, живет не одно, не для себя одного.
Не бойся, Червя воззову я бессильного
С низкого ложа его,
И ты его голос услышишь.
Приди, о, Червь безмолвной долины,
К царице задумавшейся».

Беспомощный Червь поднялся,
И на лилейном листке поместился,
А блестящее Облако дальше поплыло, вперед.
Чтоб найти подругу в долине.

3

Тогда Тэль, удивленная,
На Червя посмотрела,
Меж тем как раскинулся он на росистом ложе своем.
«Неужели ты – Червь, образ слабости?
Я вижу тебя как ребенка,
Закутанным в нежный лилейный листок.
О, не плачь, малый голос;
Говорить ты не можешь, но можешь ты плакать.
Это – Червь?
Я вижу тебя, ты лежишь, обнаженный, беспомощный,
В слезах, и никто не ответит тебе,
Приласкать тебя некому
С материнской улыбкой».

Глыба Земли услышала голос Червя,
И, проникнувшись жалостью,
Главу подняла свою,
Над ребенком заплакавшим нежно склонилась она,
Млечною нежностью жизнь ее тайно дохнула,
Потом устремила на Тэль она пристальный взгляд
Смиранных очей своих.

«О, красота этих Гарских долин,
Не для себя самих мы живем.
Ты видишь, кажусь я и скудной и низкой такою.
Я и есть такова.
Сама по себе, грудь моя холодна,
Темна моя грудь, сама по себе;
Но Тот, Кто любит всех скудных,
На главу мою мир свое изливает,
И целует меня, и обвязывает
Перевязь свадебную
Вкруг груди моей, сам говоря: –
Мать детей моих, Я полюбил тебя,
И венец тебе дам, тот венец
Никто не возможет отнять.
Но как это, нежная дева, –
Я просто не знаю,
Как могу это знать я?
Размышляю над этим и все ж размышлять не могу,
Но вот я живу и люблю».

Дщерь Красоты отерла
Глаза свои скорбные белым покровом своим,
И молвила: «Ах, я не знала этого,
Потому я и плакала.
Бог любит Червя,
Он накажет ту злую стопу, что умышленно
Будет давить беззащитную форму.
Это я знала;
Но что в пищу ему Он дает млеко и мир,
Этого я никогда не слыхала, не знала – и плакала.
И в воздухе кротком я жаловалась,
Ибо я увядаю,
И ложусь на холодное лоно твое,
Свой блестящий удел покидаю».

«Царица Долины», ответила ей праматерь Земля,
«Я слышала вздохи твои,
И все твои жалобы
Над кровлей моей пролетали,
Но я позвала их вниз.
Хочешь ли ты, о, царица, войти в мой дом?
Дано тебе в дом мой войти и вновь возвратиться;
Не бойся же здесь ничего,
Да вступишь сюда, о, девственная».

Страшный Привратник вечных врат
Поднял северный засов;
Тэль вошла и увидела тайны страны неведомой.

Она увидела постели мертвых и те места,
Где волокнистый корень каждого сердца
Глубоко на земле отпечатывает
Изгибы свои ненасытные;
Увидала страну печали и слез,
Где никогда не бывало улыбки.
Блуждала она в крае туч,
В стране, где долины темные,
Слушала вопли и жалобы,
Вдруг останавливалась,
Плакала возле росистых могил.
Она стояла в молчании,
Вникала она в голоса глубин,
Меж могил пришла к своей собственной,
Там села она, и услышала
Голос скорби, примчавшийся,
Как вздох, из пустой и глубокой ямы.
«Почему слух не может закрыться
Для собственной гибели?
Или блистающий глаз
Для отравы улыбки?
Почему наполнены веки стрелами,
Остриями, готовыми тотчас убить?
Там тысяча, смерть приносящих, воителей
В засаде лежит, –
Или глаз даров, глаз щедрот, устремляющий
Дождь плодов и чеканного золота.
Зачем заклеимен наш язык
Медом от каждого ветра?
Зачем слух, этот водоворот,
Свирепо в себя вбирающий сеть мирозданий?
Зачем ноздри, широко вдыхающие ужас,
Дрожащие, ноздри испуганные?
Зачем узда щекочущая
На пламенном юноше?
Зачем низкая эта завеса –
Тело на ложе наших желаний?»

Тэль вскочила, и с криком назад побежала,
Беспрепятственно,
Пока не достигла знакомых Гарских долин.

СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ

КУБЛА ХАН,

или Видение во сне

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла Хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный.
Впадает в сонный океан.

На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружен,
Садами и ручьями он украшен,
В нем фимиам цветы струят сквозь сон,
И древний лес, роскошен и печален,
Блещет там воздушностью прогалин.

Но между кедров, полных тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной,
Где женщина о демоне рыдала.
Пленительное место! Из него,
В кипеньи непрерывного волненья,
Земля, как бы не в силах своего
Сдержатъ неумолимого мученья,
Роняла вниз обломки, точно звенья
Тяжелой цепи: между этих скал,
Где камень с камнем бешено плясал,
Рождалось внезапное течение,
Поток священный воды быстро мчал.
И на пять миль, изгибами излучин,
Поток бежал, пронзив лесной туман,
И вдруг, как бы усилием замучен,
Сквозь мглу пещер, где мрак от влаги звучен,
В безжизненный впадал он океан.
И из пещер, где человек не мерял
Ни призрачный объем, ни глубину,
Рождались крики: вняв им, Кубла верил,
Что возвещают праотцы войну.

И тень чертогов наслажденья
Плыла по глади влажных сфер,
И стройный гул вставал от пенья,
И странно-слитен был размер
В напеве влаги и пещер.
Какое странное виденье –
Дворец любви и наслажденья
Меж вечных льдов и влажных сфер.

Стройно-звучные напевы
Раз услышал я во сне,
Абиссинской нежной девы,
Певшей в ясной тишине,

Под созвучья гуслей сонных,
Многопевных, многозвонных,
Ливших зов струны к струне.
О, когда б я вспомнил взоры
Девы, певшей мне во сне
О Горе святой Аборы,
Дух мой вспыхнул бы в огне,
Все возможно было б мне.
В полнозвучные размеры
ЗаклЮчить тогда б я мог
Эти льдистые пещеры,
Этот солнечный чертог.

Их все бы ясно увидали
Над зыбью, полной звонов, дали,
И крик пронесся б, как гроза: –
Сюда, скорей сюда, глядите,
О, как горят его глаза!
Пред песнопевцем взор склоните,
И, этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем что он воскормлен медом
И млеко Рая напоен!

<1798>

УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

УЕДИНЕНИЕ

(отрывок из поэмы «Прогулка»)

Я говорю: Какое побужденье,
Какой толчок в теченьи долгих лет
Отшельника манил в лесную чащу
К его безмолвной келье? Что его
В пустыне укрепляться заставляло,
Как бы бросать там навсегда свой якорь,
Пока он не смежит свои глаза,
В последний раз послав свой взгляд прощальный
На солнце и на звезды? – О, не только
Страх пред мечом грозящим, угрызенья,
Обиды не поправленные роком,
И оскорблений боль неотомщенных,
Таких, что отомстить за них нельзя,
Растоптанная гордость, перемена

В благополучьи, ужас нищеты,
Что ум на край безумия приводит,
Обманутая дружба, боль влеченья,
В другом не пробудившего взаимность,
С отчаянием слитая любовь,
Иль мука, что дошла до агонии; –
Он не всегда бежал от нестерпимых
Невыносимых пыток; но нередко,
Влекомый безмятежным наслажденьем,
Он счастья искал, свободы, мира;
Затем что в нашем счастье – ощущение
Центральное есть мир.
Ему хотелось видеть постоянство,
Что было, есть и будет бесконечно,
Себе такой награды он искал.
И что другое было твердой скрепой
Для братства, что воздвигло монастырь,
Высоко на скале, – приют воздушный, –
Или в уединения долины, –
Что привлекло их всех из дальних мест,
Содружеством их сливши неразрывным? –
Инстинкт успокоения всемирный,
Желанье подтвержденного покоя,
Внутри и вне; возвышенность, смиренность;
Жизнь, где воспоминанье и надежда
Слились в одно, и где земля спокойна,
Где лик ее меняется едва
Работой рук для нужд неприхотливых,
Иль силою круговращения года,
Где царствует бессмертная Душа,
В согласии с своим законом ясным,
И небо для услады созерцанья
Открыто в невозбранной тишине.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

ПРОМЕТЕЙ

Отрывок

Ты – символ смертных, их борьбы,
Их бед, их силы, и судьбы,
Ты – яркий знак земной печали.
Как ты, людское существо –
Наполовину божество,
Ручей, что чист в своем начале,

Но льется мутною волной.
Мы можем частию предвидеть
Могильный наш удел земной,
Вперед страдать и ненавидеть.
Но всем проклятьям вечной тьмы,
Всей этой горечи и боли,
Противоставить можем мы
Наш дух, упорство твердой воли,
И эту чувства глубину,
Что даже в ужасах терзанья
Провидеть может воздаянье,
Порвать над тайной пелену,
И гордо презирая беды,
Не даст себя поработить,
И будет властна превратить
Мгновенье смерти в миг победы.

СТАНСЫ ДЛЯ МУЗЫКИ

1

Кто сравнится в высшем споре
Красотой с тобой?
Точно музыка на море
Нежный голос твой.
Точно музыка в тумане
На далеком океане,
В час, как ветры, в сладких снах,
Чуть трепещут на волнах.

2

В полночь месяц чуть колышет
Воды в глубине;
Лоно моря еле дышит,
Как дитя во сне.
Так душа, полна мечтою,
Чутко дышит красотой;
Нежно в ней растет прибой,
Зачарованный тобой.

28 Марта [1816], пер. 1903

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

ОБЛАКО

Прохладу дождей, и с ручьев и с морей,
Я несущим истомленным цветам,
В душливый день мимолетную тень
Я даю задремавшим листьям.
Живую росу на крылах я несущу,
Пробуждаю ей почки от сна,
Меж тем как легли они к груди земли,
Пока пляшет вокруг солнца она.
Бичующий град моей дланью подымет,
Я под гром, как цепом, молочу,
Белеет вокруг зеленеющий луг,
Брызнет дождь, – и опять я молчу.

В горах с высоты сею снег на хребты,
И гигантские сосны дрожат;
Всю ночь на снегах я покоюсь в мечтах,
И с грозой обнимаюсь, как брат.
На башне моей среди воздушных зыбей
Блещет молнии пламенный щит,
И скованный гром ворчит пред дождем,
То умолкнет, то вновь зарычит;
Над гладью земной, над морской глубиной,
Я плыву в нежном пурпуре дня.
И молний полет все вперед и вперед
Увлекает как кормчий меня;
Над цепью холмов, над семьей ручейков,
Над пространством озер и полей,
Мой кормчий спешит, и спешит, и бежит,
Разжигает порывы огней,
Под небом родным улыбаюсь я с ним
И внимаю потокам дождей.

Кровавый восход, вырастая, плывет,
Возродитель земли и воды.
Горит его взор, как ночной метеор, –
Гаснет свет предрассветной звезды;
На спину ко мне он вспрыгнет весь в огне,
И расширятся крылья его: –
На камни скалы так садятся орлы,
Затаивши в груди торжество.
А в час как закат свой багряный наряд
Простирает над сонною мглой,
И в светлый туман разодет океан,
И повсюду любовь и покой,
Я крылья сверну, и как голубь усну
Высоко, высоко над землей.

В венце из огня нежит дева меня,
Что у смертных зовется луной,
Проходит она по извивам руна,
Что взлелеяно влагой ночной;
Чуть слышны шаги той незримой ноги,
Только ангелам внятны они,
От этих шагов сквозь раздвинутый кров
Многозвездные смотрят огни,
Я с ними горю, и смеюсь, и смотрю,
Как они, точно пчелы, кишат,
Вперяю в них взор, раздвигаю шатер,
Золотистые роем спешат,
Озера, моря, их лучами горя,
Как обломки лазури лежат.

Трон солнца свяжу, и огнем окружу,
И как жемчуг я выюсь над луной;
Вулканы дрожат, звезды гаснуть спешат,
Увидавши мой стяг боевой.
От мыса на мыс, то к высотам, то вниз,
Над пучиной кипучих морей,
Как мост протянусь, и на горы опрусь,
Как преграда для жгучих лучей.
Сквозь радуги свод прохожу я вперед,
С ураганом, со снегом, с огнем.
То арка побед, что в изменчивый цвет
Разукрашена пышно кругом,
Лучи сплетены, горячи и нежны,
И смеется земля под дождем.

Из вод на земле я рождаюсь во мгле,
Я кормилицей небо зову,
Таюсь в берегах и шумящих волнах,
Изменяюсь, но вечно живу.
И стихнет ли гром, и нигде ни пятном
Не запятнан небесный шатер,
И ветры скорей, вместе с роем лучей
Воздвигают лазурный собор, –
Я молча смеюсь, в саркофаге таюсь,
Поднимаюсь из пропасти бурь,
Как призрак ночной, промелькну белизной,
И опять разрушаю лазурь.

К ЖАВОРОНКУ

Пенья дух чудесный,
Ты не птичка, нет!

С высоты небесной,
Где лазурь и свет,
Ты песней неземной на землю шлешь привет!

2

Тучкою огнистой
К небесам ты льнешь,
И в лазури чистой
Звук за звуком льешь,
И с песней ввысь летишь, и, ввысь летя, поешь.

3

В блеске золотистом
Гаснущего дня,
В облаке лучистом,
В море из огня,
Резвишься ты, как дух, порхая и звеня.

4

Бледный вечер, тая,
Вкруг тебя дрожит;
Как звезда, блистая,
Днем свой лик таит,
Так в небе ты незрим, но песнь твоя звучит.

5

Гимн твой серебристый
Как звезды привет: –
Блещет день лучистый,
Меркнет звездный свет;
С земли не видно нам, горит она иль нет.

6

Небеса с землею
Звуками полны;
Так порой ночью –
Вспыхнет луч луны, –
Вмиг ласкою его поля озарены.

7

Кто ты, дух чудесный?
Кто тебя нежней?
Радуги небесной
Красота – бледней,
Чем лучезарный дождь мелодии твоей.

8

Так поэт, плененный
Блеском светлых дум,
Песней отдаленной
Будит чуткий ум,
И мир ему дарит рукоплесканий шум.

9

Так прекрасной девы, –
Точно в полусне, –
Сладкие напевы
Льются в тишине;
В них – красота любви, в них светлый гимн весне.

10

Так в лесу росистом
В час ночной – светляк
Блеском золотистым
Рассекает мрак,
Невидимый горит цветов и трав маяк.

11

Так в саду, блистая,
Розы в полдень спят;
Ветерку внимая,
Дышат и дрожат;
Роня лепестки, льют нежный аромат.

12

Солнца отблеск чудный,
Вешний цвет ветвей,
Дождик изумрудный
С музыкой своей, –
Бледнеет в мире все пред песнею твоей.

13

Музыки небесной
Тайну нам открой,
Птичка, дух чудесный,
Я молю с тоской,
Я не слыхал нигде гармонии такой.

14

Хоры Гименея
Нам дарят привет;
Пред тобой бледнея,
Меркнет этот свет;
Мы чувствуем душой, что в них чего-то нет.

15

Где родник кипучий
Песен золотых?
Волны или тучи
Нашептали их?
Иль ты сама любовь? Иль чужд ты мук земных?

16

В переливах ясных,
Что звенят вокруг,
Лишь восторгов страстных
Слышен яркий звук,
Любя, не знаешь ты любовных горьких мук.

17

Тайну смерти мрачной
Верно понял ты,
Оттого с прозрачной
Светлой высоты
Нам, смертным, шлешь свой гимн кристальной чистоты.

18

Жизнь мы полной чашей
Пьем, пока – весна;
Но в улыбке нашей
Искра слез видна,
Те песни любим мы, в которых грусть слышна.

19

Но когда б печали
К нам толпой не шли, –
Если б рай нам дали,
Пасынкам земли, –
Мы в радости с тобой сравняться б не могли.

20

Музыки нежнее,
Льющейся волной, –
Глубже и полнее
Мудрости земной, –
Та песнь, с которой ты несешься в мир иной.

21

Если б песни ясной
Часть я взял себе,
Лился б гимн прекрасный
Людям в их борьбе: –
Мне б целый мир внимал, как внемлю я тебе!

МИМОЗА

1

Мимоза невинной сияла красой,
Питал ее ветер серебристой росой,
И к солнцу она обращала листья,
Чтоб ночью опять погрузиться в мечты.

В прекрасном саду пробудилась от сна,
Как Гений Любви, молодая Весна,
Траву и цветы пробудила для грез,
Заставив забыть их про зимний мороз.

Но в поле, в саду, и в лесу, и у скал,
Никто так о нежной любви не мечтал,
Как лань молодая в полуденный зной,
С Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подснежник под лаской тепла,
Фиалка от вешних дождей расцвела,

И слился их запах с дыханьем весны,
Как с пеньем сливается рокот струны.

Любовью тюльпан и горчанка зажглись;
И дивный красавец, влюбленный нарцисс,
Расцвел над ручьем и глядит на себя,
Пока не умрет, бесконечно любя;

И ландыш, подобный Няде лесной,
Он бледен от страсти, он любит весной;
Сквозит из листвы, как любовный привет,
Его колокольчиков трепетный свет.

Опять гиацинт возгордился собой,
Здесь белый, пурпурный, а там голубой,
Его колокольчики тихо звенят, –
Те звуки нежней, чем его аромат;

И роза как нимфа, – восставши от сна,
Роскошную грудь обнажает она,
Снимает покров свой, купаться спешит,
А воздух влюбленный к ней льнет и дрожит;

И лилия светлую чашу взяла,
И вверх, как Вакханка, ее подняла,
На ней, как звезда, загорелась роса.
И взор ее глаз устремлен в небеса;

Нарядный жасмин, и анютин глазок,
И с ним туберозы душистый цветок,
Весною с концов отдаленных земли
Цветы собрались в этот сад и цвели.

Под ласковой тенью зеленых ветвей,
Под искристым светом горячих лучей,
Над гладью изменчивой, гладью речной,
Дрожали кувшинки, целуясь с волной.

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цветов на ветвях налились;
А водный певучий поток трепетал,
И в тысяче разных оттенков блистал.

Дорожки средь дерна, как змейки легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сияя под лаской полдневных лучей,
Теряясь порою средь чащи ветвей.

Кустами на них маргаритки росли,
И царские кудри роскошно цвели;
И тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синие вяли цветки,

И к вечеру искрились в них светляки.

Весь сад точно райской мечтой озарен;
И так, как ребенок, стряхнувши свой сон,
С улыбкой глядит в колыбели на мать,
Которой отрадно с ним петь и играть, –

Цветы, улыбаясь, на небо глядят,
А в небе лучи золотые горят,
И ярко все блещут в полуденный час,
Как блещет при свете лучистый алмаз.

И льют, наклоняясь, они аромат,
И с шепотом ласки друг другу дарят,
Подобно влюбленным, которым вдвоем
Так сладко, что жизнь им является сном.

И только Мимоза, Мимоза одна,
Стоит одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чем все, она любит в тиши
Порывом невинной и чистой души, –

Увы, аромата она лишена!
И клонится нежной головкой она,
И жаждет, исполнена тайной мечты,
Того, чего нет у нее, красоты.

Ласкающий ветер на крыльях своих
Уносит гармонию звуков земных;
И венчики ярких, как звезды, цветков
Блистают окраской своих лепестков;

И бабочек светлых живая семья,
Как полная золотом в море ладья,
Скользит над волнистою гладью травы,
Мелькает, плывет в океане листвы;

Туманы, прильнув на мгновенье к цветам,
Уносятся в высь к голубым небесам,
Цветочный уносят с собой аромат,
Как светлые ангелы в небе скользят;

На смену им снова встают над землей
Туманы, рожденные знойною мглой;
В них ветер слегка пролепечет на миг,
Как ночью лепечет прибрежный тростник.

Мечтает Мимоза в венце из росы,
Меж тем пролетают мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тень,
Как тянутся тучки в безветренный день.

И полночь с лазурных высот снизошла,
Прохлада на мир задремавший легла,
Любовь – в небесах, и покой – на земле,
Отрадней восторги в таинственной мгле.

Всех бабочек, птичек, растенья, зверьков
Баюкает море загадочных снов,
Как в сказке, волна напевает волне,
Их пенья неслышно в ночной тишине.

И только не хочет уснуть соловей, –
Ночь длится, а песня слышней и слышней,
Как будто он гимны слагает луне,
И внемлет Мимоза ему в полусне.

Она, как ребенок, устав от мечты,
Всех прежде печально свернула листы;
В душе ее сонная греза встает,
Себя она ласковой мгле предает,
Ей ночь колыбельную песню поет.

2

В волшебном саду, чуждом горя и зла,
Богиня, как Ева в Эдеме, была,
И так же цветы устремляли к ней взоры,
Как смотрят на Бога все звездные хоры.

В лице ее дивном была разлита
Небесных таинственных дум красота;
Сравниться не мог с ней изяществом стана
Цветок, что раскрылся на дне океана.

Все утро, весь день и весь вечер она
Цветы оживляла, ясна и нежна;
А в сумерках падали к ней метеоры,
Сплетая блестящие искры в узоры.

Из смертных не знала она никого,
Не знала, что значит греха торжество.
Но утром, под ласкою теплой рассвета,
Она трепетала, любовью согрета;

Как будто бы ласковый дух неземной
Слетал к ней под кровом прохлады ночной,
И днем еще медлил, и к ней наклонялся,
Хоть в свете дневном от нее он скрывался.

Она проходила, к ней льнула трава,
К которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала,

И страсть, и восторг за собой оставляла;

Как шепот волны средь морских тростников,
Чуть слышен был звук ее легких шагов,
И тенью волос она тотчас стирала
Тот след, что, идя, за собой оставляла.

В волшебном саду преклонялись цветы
При виде такой неземной красоты,
И нежно следили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.

Она орошала их светлой водой,
В них яркие искры блистали звездой;
И в их лепестках, с мимолетной красою,
Прозрачные капли сверкали росой.

Заботливо-нежной рукою своей
Она расправляла цветы меж ветвей,
Ей не были б дети родные милее,
Она не могла бы любить их нежнее.

Всех вредных, грызущих листки, червячков,
Всех хищных, тревожащих зелень, жучков
Она своей быстрой рукою ловила,
И в лес далеко – далеко уносила;

Для них она диких цветов нарвала,
В корзину насыпала, где их несла,
Хоть вред они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.

А пчел, однодневок и всех мотыльков,
Прильнувших к душистым устам лепестков,
Она оставляла, чтоб нежно любили,
Чтоб в этом раю серафимами были.

И к кедру душистому шла на заре,
Там куколки бабочек в темной коре,
Меж трещин продольных, она оставляла,
В них жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ее матерью нежной – весна,
Все лето цветы оживляла она,
И прежде, чем хмурая осень пришла
С листвою золотою, – она умерла!

Промчалось три дня, – все цветы тосковали
О чем, почему, они сами не знали;

Грустили и бледность была в них видна,
Как в звездах, когда загорится луна.

А с новой зарею – до слуха Мимозы
Коснулося пенье; в нем слышались слезы;
За гробом вослед провожатые шли,
И плакальщиц стоны звучали вдали.

И с тихой тоской погребального пенья
Сливалось смерти немой дуновенье;
И запах холодный, тяжелый, сырой,
Из гроба к цветам доносился порой.

И травы, обнявшись тоскливо с цветами,
Алмазными вдруг заблестали слезами;
А ветер рыданья везде разносил: –
Их вздохи он в гимн похоронный сложил.

И прежняя пышность цветов увядала,
Как труп той богини, что их оживляла;
Дух тленья в саду омраченном витал,
И даже – кто слез в своей жизни не знал –
И тот бы при виде его задрожал.

Подкралася осень, умчалось лето,
Туманы легли вместо жгучего света,
Хоть солнце полудня сияло порой,
Смеясь над осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы в печали,
Как хлопьями снега, цветами устлали;
И мертвенных лилий и тусклых бельцов
Виднелись толпы, точно ряд мертвецов.

Индийские травы с живым ароматом
Бледнели в саду, разложением объятom,
И с новым осенним томительным днем
Безмолвно роняли листок за листком.

Багровые, темные, листья сухие
Носились по ветру, как духи ночные: –
И ветер их свист меж ветвей разносил,
И ужас на зябнущих птиц наводил.

И плевелов зерна в своей колыбели
Проснулись под ветром и вдаль полетели,
Смешались с толпами осенних листов,
И гнили в объятиях мертвых цветов.

Прибрежные травы как будто рыдали, –
Как слезы, в ручей лепестки упали,
Обнявшись, смешавшись в воде голубой,

Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылись трупами листьев – аллеи,
И мертвые свесились вниз эпомеи,
И блеск средь лазури, как призрак, исчез,
И дождь пролился с потемневших небес.

Всю осень, пока не примчались метели,
Уродливых плевелов стебли жирели;
Усеян был пятнами гнусный их рот,
Как жабы спина иль змеиный живот.

Крапива, ворсянка, с цикутой пахучей,
Волчцы, белена и репейник колючий –
Тянулись, дышали, как будто сквозь сон,
Их ядом был воздух кругом напоен.

И тут же вблизи разрастались другие,
Как будто в нарывах, как будто гнилые,
Больные растенья, – от имени их
Бежит с отвращением трепетный стих.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листвянки;
Взрастила их плесень в туманные дни,
Как вестники смерти стояли они.

Их тело кусок за куском отпадало,
И воздух дыханьем своим заражало,
И вскоре виднелись одни лишь стволы,
Сырые от влажной, удушливой мглы.

От мертвых цветов, от осенней погоды,
В ручье, будто флером, подернулись воды,
И шпажной травы разрасталась семья,
С корнями узлистыми, точно змея.

Сильней и сильней поднимались туманы,
Бродили и ширились их караваны,
Рождаясь с зарей, возрастали чумой,
И ночью весь мир был окутан их тьмой.

В час полдня растения искриться стали: –
То иней и изморозь ярко блистали;
Как ядом напитаны, ветки тотчас
Мертвели от их ослепительных глаз.

И было тоскливо на сердце Мимозы,
И падали, падали светлые слезы;
Объятые гнетом смертельной тоски,
Прижались друг к другу ее лепестки.

И скоро все листья ее облетели,
Внимая угрюмым напевам метели,
И сок в ней не мог уже искриться вновь,
А капал к камням, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана ветром холодным,
Промчалась по горным вершинам бесплодным,
И треск издавали обломки скалы,
Звенели в мороз, как звенят кандалы.

И цепью своей неземного закала
И воды и воздух она оковала,
От сводов полярных, из дальней земли,
Суровые вихри ее принесли.

Последние травы под ветром дрожали,
От ужаса смерти под землю бежали,
И так же исчезли они под землей,
Как призрак бесследный, порою ночной.

В извилистых норах уснули в морозы
Кроты под корнями умершей Мимозы,
И птицы летели на сучья, на пни,
И вдруг, на лету, замерзали они.

Теплом потянуло. На ветках снежинки
Растаяли, падая вниз, как слезинки;
И снова замерзли в холодные дни,
И кружевом снежным повисли они.

Металась буря, сугробы вздымая,
И волком голодным в лесу завывая,
И сучья ломала в порыве своем,
Весь мир засыпая и снегом и льдом.

И снова весна, и умчались морозы;
Но нет уже больше стыдливой Мимозы;
Одни мандрагоры, цикуты, волчцы
Восстали, как в склепах встают мертвецы.

Знала ль Мимоза, что скрылась весна,
И что сама изменилась она,
Знала ль, что осень с зимою пришла,
Трудно сказать, – но она умерла.

Дивная Нимфа, чьим царством был сад,
Чьим дуновением был аромат,
Верно, грустила, когда не нашла
Формы, где негa стыдливо жила –

Чудная нега любви, красоты,
И неземного блаженства мечты.
Но в этом мире суровой борьбы
Горя, обмана, и страха судьбы,

В мире, где мы – только тени от сна,
Где нам познания власть не дана,
В мире, где все – только лживый туман, –
Самая смерть есть мираж и обман.

Вечен таинственный, сказочный сад,
Вечно в нем Нимфа живет аромат,
Вечно смеются им вешние дни,
Мы изменяемся, – но не они.

Счастье, любовь, красота, – вам привет!
Нет перемены вам, смерти вам нет,
Только бессильны мы вас сохранить,
Рвем вашу тонкую, светлую нить.

ОЗИМАНДИЯ

Сонет

Я встретил путника; он шел из стран далеких
И мне сказал: вдали, где вечность сторожит
Пустыни тишину, среди песков глубоких
Обломок статуи распавшейся лежит.

Из полустертых черт сквозит надменный пламень,
Желанье заставлять весь мир себе служить;
Ваятель опытный вложил в бездушный камень
Те страсти, что могли столетья пережить.

И сохранил слова обломок изваянья: –
«Я – Озимандия, я – мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»

Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...

1817

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ВОРОН

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, вдруг неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался – постучался в дверь ко мне.
«Это верно», прошептал я, «гость в полночной тишине,
Гость стучится в дверь ко мне».

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета, как я тщетно ждал ответа
На страданье, без привета, на вопрос о ней, о ней,
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней,
О светилах прежних дней.

И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Трепет, лепет, наполнявший темным чувством сердце мне.
Непонятный страх смиряя, встал я с места, повторяя: –
«Это только гость, блуждая, постучался в дверь ко мне,
Поздний гость приюта просит в полуночной тишине –
Гость стучится в дверь ко мне».

подавив свои сомненья, победивши опасенья,
Я сказал: «Не осудите замедленья моего!
Этой полночью ненастной я вздремнул, и стук неясный
Слишком тих был, стук неясный, – и не слышал я его,
Я не слышал» – тут раскрыл я дверь жилища моего: –
Тьма, и больше ничего.

Взор застыл, во тьме стесненный, и стоял я изумленный,
Снам отдавшись, недоступным на земле ни для кого;
Но как прежде ночь молчала, тьма душе не отвечала,
Лишь – «Ленора!» – прозвучало имя солнца моего, –
Это я шепнул, и эхо повторило вновь его, –
Эхо, больше ничего.

Вновь я в комнату вернулся – обернулся – содрогнулся, –
Стук раздался, но слышнее, чем звучал он до того.
«Верно, что-нибудь сломилось, что-нибудь пошевелилось,
Там, за ставнями, забилося у окошка моего,
Это ветер, усмирю я трепет сердца моего, –
Ветер, больше ничего».

Я толкнул окно с решеткой, – тотчас важною походкой
Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон старых дней,
Не склонился он учтиво, но, как лорд, вошел спесиво,
И, взмахнув крылом лениво, в пышной важности своей,

Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью был моей,
Он взлетел – и сел над ней.

От печали я очнулся и невольно усмехнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгие года.
«Твой хохол ощипан славно и глядишь ты презабавно»,
Я промолвил, «но скажи мне: в царстве тьмы, где ночь всегда,
Как ты звался, гордый Ворон, там, где ночь царит всегда!»
Молвил Ворон: «Никогда».

Птица ясно отвечала, и хоть смысла было мало,
Подивился я всем сердцем на ответ ее тогда.
Да и кто не подивится, кто с такой мечтой сроднится,
Кто поверить согласится, чтобы где-нибудь когда –
Сел над дверью – говорящий без запинки, без труда –
Ворон с кличкой: «Никогда».

И, взирая так сурово, лишь одно твердил он слово,
Точна всю он душу вылил в этом слове «Никогда»,
И крылами не взмахнул он, и пером не шевельнул он,
Я шепнул: «Друзья сокрылись вот уж многие года,
Завтра он меня покинет, как надежды, навсегда».
Ворон молвил: «Никогда».

Услышав ответ удачный, вздрогнул я в тревоге мрачной,
«Верно, был он», я подумал, «у того, чья жизнь – Беда,
У страдальца, чьи мученья возрастали, как теченье
Рек весной, чье отречение от Надежды навсегда
В песне вылилось о счастье, что, погибнув навсегда,
Вновь не вспыхнет никогда».

Но, от скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинул против Ворона тогда,
И, склонясь на бархат нежный, я фантазии безбрежной
Отдался душой мятежной: «Это – Ворон, Ворон, да.
«Но о чем твердит зловещий этим черным «Никогда»,
Страшным криком «Никогда».

Я сидел, догадок полный и задумчиво-безмолвный,
Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда,
И с печалью запоздалой, головой своей усталой,
Я прильнул к подушке алой, и подумал я тогда: –
Я один, на бархат алый та, кого любил всегда,
Не прильнет уж никогда.

Но постой, вокруг темнеет, и как будто кто-то веет,
То с камильницей небесной Серафим пришел сюда?
В миг неясный упоенья я вскричал: «Прости, мученье,
Это Бог послал забвенье о Леноре навсегда,
Пей, о, пей скорей забвенье о Леноре навсегда!»
Каркнул Ворон: «Никогда».

И вскричал я в скорби страстной: «Птица ты иль дух ужасный,
Искусителем ли послан, иль грозой прибит сюда, –
Ты пророк неустрашимый! В край печальный, нелюдимый,
В край, Тоскою одержимый, ты пришел ко мне сюда!
О, скажи, найду ль забвенье, я молю, скажи, когда?»
Каркнул Ворон: «Никогда».

«Ты пророк», вскричал я, «вещий! Птица ты иль дух зловещий,
Этим Небом, что над нами – Богом скрытым навсегда –
Заклинаю, умоляя, мне сказать, – в пределах Рая
Мне откроется ль святая, что средь ангелов всегда,
Та, которую Ленорой в небесах зовут всегда?»
Каркнул Ворон: «Никогда».

И воскликнул я, вставая: «Прочь отсюда, птица злая!
Ты из царства тьмы и бури, – уходи опять туда,
Не хочу я лжи позорной, лжи, как эти перья, черной,
Удались же, дух упорный! Быть хочу – один всегда!
Вынь свой жесткий клюв из сердца моего, где скорбь – всегда!»
Каркнул Ворон: «Никогда».

И сидит, сидит зловещий, Ворон черный, Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда,
Он глядит, уединенный, точно Демон полусонный,
Свет струится, тень ложится, на полу дрожит всегда,
И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет – никогда!

<1844/1849>

КОЛОКОЛЬЧИКИ И КОЛОКОЛА

1

Слышишь, сани мчатся в ряд,
Мчатся в ряд!
Колокольчики звенят,
Серебристым легким звоном слух наш сладостно томят,
Этим пеньем и гуденьем о забвеньи говорят.
О, как звонко, звонко, звонко,
Точно звучный смех ребенка,
В ясном воздухе ночном
Говорят они о том,
Что за днями заблужденья
Наступает возрожденье,
Что волшебно наслажденье – наслажденье нежным сном.
Сани мчатся, мчатся в ряд,
Колокольчики звенят,
Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,

И, внимая им, горят,
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;
И изменчивым сияньем
Молчаливым обаяньем,
Вместе с звоном, вместе с пеньем о забвеньи говорят.

2

Слышишь, к свадьбе звон святой,
Золотой!
Сколько нежного блаженства в этой песне молодой!
Сквозь спокойный воздух ночи
Словно смотрят чьи-то очи,
И блестят,
Из волны певучих звуков на луну они глядят,
Из призывных дивных келий,
Полны сказочных веселий,
Нарастая, упадая, брызги светлые летят.
Вновь потухнут, вновь блестят,
И роняют светлый взгляд
На грядущее, где дремлет безмятежность нежных снов,
Возвещаемых согласьем золотых колоколов.

3

Слышишь, воющий набат,
Точно стонет медный ад!
Эти звуки, в дикой муке, сказку ужасов твердят.
Точно молят им помочь,
Крик кидают прямо в ночь,
Прямо в уши темной ночи
Каждый звук,
То длиннее, то короче,
Выкликает свой испуг, –
И испуг их так велик,
Так безумен каждый крик,
Что разорванные звоны, неспособные звучать,
Могут только биться, виться, и кричать, кричать, кричать!
Только плакать о пощаде,
И к пылающей громаде
Вопли скорби обращать!
А меж тем огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горит,
То из окон, то по крыше,
Мчится выше, выше, выше,
И как будто говорит: –
Я хочу
Выше мчаться, разгораться, встречу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчас – тотчас вплоть до месяца взлечу!

О, набат, набат, набат,
Если б ты вернул назад
Этот ужас, это пламя, эту искру, этот взгляд,
Этот первый взгляд огня,
О котором ты вещаешь, с плачем, с воплем, и звеня!
А теперь нам нет спасенья,
Всюду пламя и кипенье,
Всюду страх и возмущенье!
Твой призыв,
Диких звуков несогласность
Возвещает нам опасность,
То растет беда глухая, то спадает как прилив!
Слух наш чутко ловит волны в перемене звуковой,
Вновь спадает, вновь рыдает медно-стонущий прибой!

4

Похоронный слышен звон,
Долгий звон!
Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кончен сон,
Звук железный возвещает о печали похорон!
И невольно мы дрожим,
От забав своих спешим.
И рыдаем, вспоминаем, что и мы глаза смежим.
Неизменно-монотонный
Этот возглас отдаленный,
Похоронный тяжкий звон,
Точно стон,
Скорбный, гневный,
И плачевный,
Вырастает в долгий гул,
Возвещает, что страдалец непробудным сном уснул.
В колокольных кельях ржавых,
Он для правых и неправых
Грозно вторит об одном: –
Что на сердце будет камень, что глаза сомкнутся сном.
Факел траурный горит,
С колокольни кто-то крикнул, кто-то громко говорит,
Кто-то черный там стоит,
И хохочет, и гремит,
И гудит, гудит, гудит,
К колокольне припадает,
Гулкий колокол качает,
Гулкий колокол рыдает,
Стонет в воздухе немом,
И протяжно возвещает о покое гробовом.

Долы дымные – потоки
Теневые – и леса,
Что глядят как небеса,
Многооблачно-широки,
В них неверная краса,
Формы их неразличимы,
Всюду слезы, словно дымы;
Луны тают и растут –
Шар огромный там и тут –
Снова луны – снова – снова –
Каждый миг поры ночной
Озаряется луной,
Ищут места все иного,
Угашают звездный свет,
В бледных ликах жизни нет.
Чуть на лунном циферблате
Знак двенадцати часов, –
Та, в которой больше снов,
Больше дымной благодати,
(Это чара в той стране,
Говорит луна луне),
Сходит ниже, – сходит ниже –
На горе на верховой
Ставит шар горящий свой –
И повсюду – дальше – ближе –
В легких складках бледных снов
Расширяется покров
Над деревней, над полями,
Над чертогами, везде –
Над лесами и морями,
По земле и по воде –
И над духом, что крылами
В грезе веет – надо всем, –
Что дремотствует меж тем –
Их заводит совершенно
В лабиринт своих лучей,
В тех извивах держит пленно,
И глубоко, сокровенно,
О, глубоко, меж теней,
Спит луна, и души с ней.
Утром, в свете позолоты,
Встанут, скинут страсть дремоты,
Мчится лунный их покров
В небесах, меж облаков.
В лете бурь они носимы,
Колыбелясь между гроз –
Как из жерл вулканов дымы,
Или желтый Альбатрос.
Для одной и той же цели
Та палатка, та луна
Им уж больше не нужна –

Вмиг дождями полетели
Блески-атомы тех снов.
И, меняясь, заблестели
На крылах у мотыльков,
Тех, что, будучи земными,
Улетают в небеса,
Ниспускаются цветными,
(Прихоть сна владеет ими!)
Их крылами расписными
Светит вышняя краса.

УЛЯЛЮМ

Небеса были серого цвета,
Были сухи и скорбны листы,
Были сжаты и смяты листы,
За огнем отгоревшего лета
Ночь пришла, сон глухой черноты,
Близ туманного озера Обер,
Там, где сходятся ведьмы на пир,
Где лесной заколдованный мир,
Возле дымного озера Обер,
В зачарованной области Вир.

Там однажды, в аллее Титанов,
Я с моею Душою блуждал,
Я с Психеей, с Душою блуждал.
В эти дни трепетанья вулканов
Я сердечным огнем побеждал,
Я спешил, я горел, я блистал, –
Точно серные токи на Яник,
Бороздящие горный оплот,
Возле полюса, токи, что Яник
Покидают, струясь от высот.

Мы менялись лаской привета,
Но в глазах затаилась мгла,
Наша память неверной была,
Мы забыли, что умерло лето,
Что октябрьская полночь пришла,
Мы забыли, что осень пришла,
И не вспомнили озеро Обер,
Где открылся нам некогда мир,
Это дымное озеро Обер,
И излюбленный ведьмами Вир.

Но когда уже ночь постарела,
И на звездных небесных часах
Был намек на рассвет в небесах, –

Что-то облачным сном забелело
Перед нами, в неясных лучах,
И внезапно предстал серебристый
Полумесяц, двурогой чертой,
Полумесяц Астарты лучистый,
Очевидный двойной красотой.

Я промолвил: – «Астарта нежнее
И теплей, чем Диана, она –
В царстве вздохов, и вздохов полна: –
Увидав, что, в тоске не слабея,
Здесь душа затомилась одна, –
Чрез созвездие Льва проникая,
Показала она в облаках
Путь к забвенной тиши в небесах,
И чело перед Львом не склоняя,
С нежной лаской в горящих глазах,
Над берлогою Льва возникая,
Засветилась для нас в небесах».

Но Психея, свой перст поднимая,
«Я не верю», промолвила, «в сны
Этой бледной богини Весны.
О, не медли, – в ней бледность больная!
О, бежим! Поспешим! Мы должны!»
И в испуге, в истоме бессилья,
Не хотела, чтоб дальше мы шли,
И ее ослабевшие крылья
Опускались до самой земли –
И влачили, влачили в пыли.

Я ответил: – «То страх лишь напрасный,
Устремимся на трепетный свет,
В нем кристальность, обмана в нем нет,
Сибиллически ярко прекрасный,
В нем Надежды манящий привет,
Он сквозь ночь нам роняет свой след,
О, уверуем в это сиянье,
Так зовет оно вкрадчиво к снам,
Так правдивы его обещанья
Быть звездой путеводною нам,
Быть призывом, сквозь ночь, к Небесам!»

Так ласкал, утешал я Психею
Толкованием звездных судеб,
Зоркий страх в ней утих и ослеп.
И прошли до конца мы аллею,
И внезапно увидели склеп,
С круговым начертанием склеп.
«Что гласит эта надпись?» – сказал я,
И как ветра осеннего шум,
Этот вздох, этот стон услышал я: –

«Ты не знал? Улялюм – Улялюм –
Здесь могила твоей Улялюм».

АННАБЕЛЬ-ЛИ

Это было давно, это было давно,
В королевстве приморской земли: –
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Аннабель-Ли,
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли,
Но любили мы больше, чем любят в любви, –
Я и нежная Аннабель-Ли,
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
В королевстве приморской земли, –
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель-Ли;
И родные толпой многозатной сошлись,
И ее от меня унесли,
Чтоб навеки ее положить в саркофаг,
В королевстве приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли, –
Оттого и случилось, (как ведомо всем
В королевстве приморской земли), –
Ветер ночью повеял холодный из туч
И убил мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильнее и полней
Тех, что старости бремя несли, –
Тех, что мудростью нас превзошли, –
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель-Ли;
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И в мерцаньи ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной – с невестой – с любовью моей –

Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

ДАНТЕ ГАБРИЭЛЬ РОССЕТТИ

«ПРИ ПАДЕНЬИ ЛИСТОВ...»

Знаешь ли ты при паденьи листов,
Эту томительность долгой печали?
Скорби сплетают, давно уж сплетали,
Сердцу могильный покров,
Спят утешения слов
При паденьи осенних листов.

Стынут главнейшие мысли напрасно,
Стынут главнейшие мысли ума,
Осень, и падают листья, ненастно, –
Знаешь ты это? Все в жизни напрасно,
На все налегла полутьма.

Знаешь ли ты ощущение жатвы,
При падении долгом осенних листов?
Ощущенье скользящих серпов?
Ты молчишь, как святыня забытая клятвы,
Ты молчишь, как скучающий сноп меж снопов,
При паденьи осенних листов.

УОЛТ УИТМЕН

В САД МИРОВОЙ

В сад мировой опять восходя,
Мощные пары, сынов, дочерей, предваряя, как в песне вступление,
Любовь, жизнь их тел, значение и бытие, –
После дремоты воскреснув,
Ибо, в возврате своем, могучие циклы опять меня возродили, –
Полный любви, зрелый, весь прекрасный, сам для себя весь удивительный,
С членами сильными, и с дрожащим огнем, что в них играет всегда по причинам
чудеснейшим,
Существуя, я все еще пристальный взор устремляю, и я проникаю,

Настоящим довольный, довольный прошедшим,
Рядом со мной, или сзади меня, следует Ева,
Или предо мной, и я за нею иду, тот же самый.

ОДИН ЧАС БЕЗУМЬЯ И РАДОСТИ

Один час безумья и радости! О, иступленный! не умеряй меня!
(Что это так освобождает меня в этих бурях?
Что означают вскрики мои среди молний и бешеных ветров?)
О, испить мистических бредов глубже, чем кто бы то ни было!
О, дикие и нежные боли! (я их вам завещаю, дети мои,
Я их вам возвещаю, не без причины, о, жених и невеста!)

О, отдаться тебе, кто б ты ни был, и взять тебя мне отдающуюся вопреки всему миру!
Возвратиться в Рай! О, стыдливая, женственная!
Привлечь тебя близко к себе, и впервые прижать к тебе губы мужчины, который
решителен.

О, смущение, трижды завязанный узел, глубокий и темный пруд, весь свободный и светом
залитый.
О, умчаться туда, где наконец достаточно места, достаточно воздуха!
Быть вольным от прежних цепей и условностей, я от моих, и ты от твоих!

Найти неожиданно лучшее, что есть в природе и им наслаждаться небрежно!
Почувствовать рот свой свободным, который был замкнут!
Почувствовать ясно, что нынче, или когда бы то ни было я доволен собой, я доволен!
О, что-то, чего я не знал! что-то во сне заколдованном,
Ускользнуть совершенно от всяких зацепок чужих, от якорей, трюмов!

Вольно нестись! Вольно любить! Броситься прямо в опасность без удержу!
Гибель дразнить, звать ее – ну-ка, поди сюда!
Восходить, взлетать к небесам любви, мне назначенной!
Подниматься туда своей опьяненной душой!
Потеряться, раз это нужно!
Напитать весь остаток жизни часом, часом одним полноты и свободы!
Одним коротким часом безумья и радости!

Я ВАС СЛЫШАЛ, ТОРЖЕСТВЕННО-НЕЖНЫЕ ТРУБЫ ОРГАНА

Я вас слышал, торжественно-нежные трубы органа, когда в воскресенье последнее утром
я шел мимо церкви,
Осенние ветры, когда я гулял в сумерки в чаще лесной, я слышал протяжные скорбные
ваши вздохи между вершин.
Я слышал чудесного тенора, итальянского тенора в опере, я слышал сопрано в квартете.
Сердце любви моей! Также тебя я слышал, как через руку тихонько шептала ты, сквозь
одну из кистей, охвативших меня вокруг моей головы,

Слышал биение крови твоей, меж тем как под ухом моим этой прошлой ночью колокольчиков маленьких звон, не смолкая, звенел.

МЫ ДВОЕ, КАК ДОЛГО МЫ БЫЛИ ОБМАНУТЫ

Мы двое, как долго мы были обмануты, да, одурачены,
Теперь, претворенные, мы ускользаем быстро, как ускользает природа,
Мы – Природа, мы долго были в отсутствии, но теперь возвращаемся,
Мы становимся теперь растеньями, стволами, листвою, корнями, корою,
Мы в почве лежим, как в постели, мы скалы,
Мы дубы, мы растем в расщелинах, друг возле друга,
Мы пасемся, мы двое средь диких стад, как любой – непосредственны,
Мы две рыбы, плывущие в море вместе,
Мы цветы рожкового дерева, мы роняем наш аромат над тропинками утром и вечером,
Мы также грубая грязь – бесстыдство зверей, растений, камней,
Мы два хищные ястреба, мы парим высоко, не смотрим вниз,
Мы два лучезарные солнца, это мы, что так в равновесьи качаемся,
Сферические и звездные, это мы, мы как две кометы,
Четвероногие, в чаще лесной мы бродим с своими клыками, настигаем добычу прыжком,
Мы два облака утра и вечера, плывущие там высоко,
Мы два смешавшиеся моря, мы две из веселых тех волн, что одна забежит на другую, и обе друг друга омочат,
Мы то же, что атмосфера, прозрачные, воспринимающие, проницаемые, непроницаемые.
Мы снег, дождь, холод и мрак, мы каждый созданы, влияние этого шара,
Мы кружились, кружились, пока не вернулись опять домой, мы двое;
Мы все опорожнили, сделали все недействительным, кроме свободы, и нашей собственной радости.

ЛАСКА ОРЛОВ

Идя вдоль реки по дороге (это утром мой отдых, прогулка),
Я в воздухе, там ближе к небу, заглушенный услышал звук;
Внезапная ласка орлов, любовная схватка в пространстве,
Сплетение вместе высоко, сомкнутые сжатые когти,
Вращение, бешенство, ярость живого вверху колеса,
Четыре могучих крыла, два клюва, сцепление массы,
Верченье, круженье комка, разрывы его и увертки,
Прямое падение вниз, покуда, застыв над рекою,
Два вместе не стали одно, в блаженном мгновеньи затишья,
Вот, в воздухе медлят они в недвижимом еще равновесьи,
Разлука, и втянуты когти, и вот они, медленно, снова
На крепких и верных крылах, вкось, в разном отдельном полете,
Летят, он своею дорогой, своею дорогой она.

ИЗ ОКЕАНА ТОЛПЫ, ИЗ МОРЯ РЕВУЩЕГО

Из океана толпы, из моря ревущего, нежно дошла до меня капля одна, шепчет, Тебя я люблю, чуть время пройдет и умру я,
Долгий путь я прошла, чтобы только взглянуть на тебя, к тебе прикоснуться,
Ибо я не могла умереть – на тебя не взглянувши хоть раз,
Я боялась, что я иначе, быть может, тебя потеряю.
Вот мы встретились, мы увидались теперь, мы не погибли,
С миром вернись в океан, любовь моя,
Я тоже ведь часть в океане этом, любовь моя, не так уже мы разделены,
Погляди на округлость великую, на слитность всего, о, как совершенно!
Но что до меня, до тебя, неудержное море должно разлучать нас,
На час по различным путям унося нас, но не может оно унести нас врозь навсегда;
Будь терпелива – немножко – ты знаешь, я воздух приветствую, говорю с океаном и сушей,
Каждый день на закате солнца во имя твое, Любовь моя.

КАК АДАМ РАННИМ УТРОМ

Как Адам ранним утром,
Выхожу из ночной я беседки, освеженный сном,
Глядите, как я прохожу, услышьте мой голос, приблизьтесь.
Прикоснитесь ко мне, прикоснитесь ладонью руки
До тела, пока прохожу я,
Не бойтесь, не страшно
Тело мое.

ТОТ, КОГО Я ЛЮБЛЮ ДНЕМ И НОЧЬЮ

Тот, кого я люблю днем и ночью, мне снилось, сказали мне, умер,
И мне снилось, пошел я туда, где они схоронили того, кто мне дорог,
Но в том месте он не был,
И мне снилось, что я проходил и искал между мест погребальных,
Чтоб найти его,
И увидел, что каждое место –
Погребальное было,
Дома, что исполнены жизни, исполнены были и смерти,
(Вот и этот теперь),
Улицы, и корабли, и места развлечения,
Чикаго, Бостон, Маннагатта, Филадельфия, были полны мертвецами, не только живыми,
Мертвецов было больше повсюду, о, больше гораздо;
И то, что мне снилось, хочу говорить я отныне всем людям и всем поколениям,
И связан отныне я с тем, что мне снилось,
И ныне я знать не хочу всех мест погребальных;
И хочу я без них обходиться,

И, если б в честь мертвых поставлен был памятник где бы то ни было,
Хоть там, где я ем и где сплю – я был бы доволен,
И если тело того, кто мне дорог, иль собственный труп мой,
В прах, образом должным, сведется, и прахом низвергнется в море,
Я буду доволен,
Или, если ветрам его бросят,
Я буду доволен.

СПЯЩИЕ

Я блуждаю всю ночь в сновиденьи,
Я шагаю легко, я шагаю бесшумно и быстро, останавливаюсь,
Наклоняюсь с глазами раскрытыми над глазами закрытыми спящих,
Я блуждаю, смущаюсь, теряюсь, себя забываю, не согласуюсь, противоречу,
Медлю, гляжу, наклоняюсь, на месте стою.

Как торжественно, тихо лежат они,
Как дышат спокойно они, дети в своих колыбелях.

Несчастные вижу черты людей пресыщенных, облики белые трупов, багровые лица
пьяниц, болезненно серые лица тех, что сами ласкают себя,
Тела на полях сраженья, с кровью глубоких ран, сумасшедшие в комнатах наглухо
запертых, дурачки невинно-блаженные, новорожденные, эти из врат исходящие, и
умирающие, эти из врат исходящие,
Ночь проникает их, ночь их объемлет.

Брачная спит чета спокойно в своей постели, он положил ладонь на бедро супруги, она
положила свою ладонь на бедро супруга,
Сестры нежно спят бок о бок в своей постели,
Мужчины нежно спят бок о бок в постелях своих,
И спит с ребенком своим мать, закутав его.

Слепые крепко спят, глухие спят и немые,
Спит узник спокойно в тюрьме, и спит блудный сын,
Убийца, что будет повешен завтра, как спит, как спит он?
И тот, кто убит, как он спит?
Спит женщина, любящая без взаимности,
Спит мужчина, любящий без взаимности,
И спит голова того, кто весь день строил планы, и деньги, и деньги сколачивал,
И тот, кто характером бешен, и тот, кто предатель, все спят.

Я стою в темноте, опустивши глаза близ тех, кто страдает всего и всего беспокойней,
Я на несколько дюймов от них рукою своей провожу, успокаивая.

Я взором пронзаю тьму, существа иные являются,
Земля от меня отступает в ночь,
Я вижу, что это было красиво, и я вижу, что то, что не земля, красиво.

Я иду от постели к постели, я сплю с другими спящими, с каждым рядом по очереди.

Мне снятся во сне моем сны, все сны других уснувших,
И я становлюсь другими уснувшими, спящими.
Я пляска – играйте вы там! я кружусь все скорей и скорее!
Я вечно-смеющийся, – вот, новая светит луна, и сумерки,
Я вижу веселые игры, в прятки, куда ни взгляну я, повсюду проворные духи,
Вновь прятки, и прятки опять, глубоко в земле и в море,
И там, где не море, и где не земля.

ИЗ КОЛЫБЕЛИ БЕСКОНЕЧНО БАЮКАЮЩЕЙ

Из колыбели бесконечно баюкающей,
Из горла птицы-пересмешника, музыкальный челнок,
Из полночи Девятого месяца,
Над песками бесплодными и полями, что там вдали, где ребенок, оставив постель свою,
блуждал одиноко, босой, с головой обнаженной,
Вниз из упавшего светлым дождем ореола,
Вверх из мистической этой игры теней, переплетающихся, обнимающихся, как будто бы
были они живые,
Из массовых пятен терновника и ежевики,
Из воспоминаний о птице, которая пела мне,
Из воспоминаний о тебе, грустный брат, из этих прерывистых подъятий и падений,
которые я слышал,
Из-под этой желтой половинной луны, поздно вставшей и распухшей, как будто от слез,
Из этих начальных нот любви и томленья в тумане,
Из тысячи ответов моего сердца, никогда не кончающихся,
Из мириад отсюда возникших слов,
Из слова сильнее и сладостней, чем какое б то ни было,
Из слов таких, как они возникают теперь при посещении вновь этой сцены,
Как стая, щебечущая, взлетающая, или кверху пролетающая,
Проворно сюда устремившись, прежде чем все исчезнут,
Муж зрелый, но вот, в силу этих слез, малый мальчик опять,
Бросившись здесь на песок, лицом пред волнами,
Я, певец страданий и радостей, соединитель того, что здесь, и грядущего,
Берущий все указания, чтобы их применить, но быстро за них убегающий,
Воспоминанье пою,
Помэнок бывших дней,
Когда в воздухе был аромат сирени и росла трава Пятого месяца,
Вверху, на этом морском берегу, в терновом кустарнике,
Два пернатые гостя из Алабамы, два вместе,
И гнездо их, и четыре светло-зеленых яйца с коричневыми крапинками,
И каждый день самец тут и там пролетал все близко,
И каждый день самка сидела в гнезде, безгласная, с глазами блестящими,
И каждый день я, любопытный мальчик, никогда слишком близко, никогда не мешая им,
Осторожно смотря внимательным взглядом, вбирая в себя, переводя.

Сияй! сияй! сияй!

Низливай теплоту свою, солнце великое!

Пока мы здесь греемся, мы оба вместе.

Оба вместе!
Ветры веют на Юг, ветры веют на Север,
День белым приходит, ночь черной приходит,
Дома, на речках, в горах, не дома,
С песней все время, не помня о времени,
Пока мы оба здесь вместе.

И вдруг,
Быть может, убита, об этом товарищ не знал,
В полдень один, самка больше в гнезде не сидела,
И после полудня она не вернулась, ни день спустя,
И никогда уже больше не появилась.
С той поры все лето в говоре моря,
И ночью под полную круглой луной в более тихое время,
Над хриплым прибоем морским,
Или порхая с куста на куст в терновнике днем,
Я видел, я слышал, время от времени, одного самца осиротелого,
Одинокого гостя из Алабамы.

Вей! вей! вей!
Вей ветер моря, вдоль берегов Помэнока!
Я жду и все жду, когда ты привеешь мне веяньем подругу
мою.

Да, когда звезды блистали,
Всю ночь на зубце вежи, иззубренной мхами,
Внизу почти среди волн с их захлестываньем,
Сидел одинокий певец, дивно рождая слезы.

Подругу свою он звал,
Он изливал значения, которые знаю из всех людей только я.

Да, брат мой, я знаю,
Другие того не могли бы, но я сохранил твою каждую ноту,
Ибо не раз, о, не раз, смутно скользя к этой бухте,
Безмолвный, избегая сияющих лунных лучей, сливаясь с тенями,
Отзывая теперь туманные формы, отзвуки эти, звуки и все очертанья различные в их
разделеньях,
Неутомимо белые руки в кипении буруна кидая,
Я, с ногами босыми, ребенок, с волосами, ветром разметанными,
Долго и долго внимал.

Баюкай! баюкай! баюкай!
Вплоть за волной другая волна нежно ее баюкает,
И снова другая, опять набегает, опять обнимает, и каждая
тесно к другой.
Но меня любовь моя не баюкает, нет, не баюкает.
Низко нависла луна, встала она так поздно,
Медлит луна – отяжелела она, любовью наверно, любовью.
О, сумасшедшее море толкается в сушу, еще,
С любовью, с любовью.

О, ночь! не любовь ли моя, вон я вижу, порхает и вьется в
кипеньи буруна?
Что это там за черная малая точка, я вижу, там в белом?

Громко! громко! громко!
Громко тебя я зову, любовь моя.
Звонко и четко я устремляю мой голос вперед над волнами,
О, конечно должна ты узнать, кто здесь, кто здесь,
Ты должна знать, кто я, любовь моя.
Низко нависла луна!
Что там за смутная точка в темной твоей желтизне?
О, это облик, облик подруги моей!
О, луна не держи ее больше, не отнимай у меня.

Земля! земля! о, земля!
Куда бы я путь ни направил, о, я думаю, ты мне могла бы
отдать назад подругу мою, если бы только ты захотела,
Потому что почти я уверен, что смутно я вижу ее, куда б ни
взглянул.
О, встающие звезды!
Быть может, та, кого мне так нужно, встанет однажды, встанет
с одной из вас.

О, горло! Дрожащее горло!
Яснее звени через воздух!
Землю пронзай и леса,
Где-нибудь слушает, слушает, чтобы услышать тебя, та, кого
мне так нужно.
Выбрасывай песни!
Здесь одинокие, песни ночные!
Песни любви одинокой! пение смерти!
Песни под этой замедлившей желтой ущербной луной!
О, под этой луной, где она наклоняется, падает в самое море!
О, безрассудные песни, звуки отчаянья!
Но тише! тихонько, постой!
Я буду чуть слышно вздыхать,
И ты многошумное хрипкое море, помедли минутку,
Мне кажется, где-то я слышал, мне подруга моя отвечает,
Так слабо, я буду тихонько, я буду тихонько внимать,
Но не умолкну совсем, а то она сразу не будет знать, куда
прийти ко мне.

Сюда, любовь моя!
Здесь я! здесь!
Этим сдержанным звуком о себе я тебе возвещаю.
Этот нежный призыв для тебя, для тебя, любовь моя.
Пусть тебя никуда не заманят,
Вот это – свист ветра, это голос не мой,
Вот это – порханье, порхание пены,
Вот это – тени листвы.

О, тьма! О, напрасно!

О, я истомился вконец и скорблю.
О, смутный круг в небесах возле луны, упдающий вниз на море!
О, отраженье смущенное в море!
О, горло! О, трепетное сердце!
Я пою бесплодно, бесплодно всю ночь,
О, прошлое! О, счастливая жизнь! О песни восторга!
В воздухе, в чаще лесной, на полях,
Любимый! любимый! любимый! любимый! любимый!
Но подруги моей больше нет, больше нет со мной.
Мы оба больше не вместе.

Ария падает,
Все другое по-прежнему длится, звезды сияют,
Ветры вздыхают и веют, непрерывно звучат, как клики и отклики, звуки птичьего голоса,
С сердитою жалобой гневная старая мать ворчит и все жалуется,
На песках Помэнока, седая, шуршит на побережье,
Желтый облик луны, половинный, – возросший, изогнутый, упдая, почти уж касается облика моря,
Мальчик, объятый экстазом, волны играют ногами босыми его, волосами ветры играют.
Любовь взаперти была в сердце так долго, теперь наконец на свободе, безумствует, вырвалась,
Значение песни, слух, душу, быстро являет,
Странные слезы бегут по щекам,
Беседа, втроем, каждый речь свою держит,
Нижний тон, мать древняя, дикая, плачет безостановочно,
Приноровляясь угрюмо к душе этой детской, в шипеньи ему повествуя немного из тайн потонувших,
Их слушает он, начинающий бард.

Демон иль птица! (сказала душа ребенка),
Вправду ли это к подруге своей ты поешь? или воистину это ко мне?
Ибо я, что мальчиком был, с речью, дремотой объятою, ныне услышал тебя,
В миг единый, теперь я узнал, что я такое, я пробудился
И уж тысячи звонких певцов, тысячи песен, громче, звончей, чем твои, и печальнее,
Тысячи откликов, звонко щебечущих, к жизни возникли во мне, и встав, не умрут.

О, ты одинокий певец, поющий сам по себе, меня как тень означающий,
Одинокое внимающий тебе никогда продолжать я твой голос не перестану,
Уж никогда не ускользну я, и отзвуки, отсветы,
Крики любви неутоленной никогда уж не будут мне чужды,
Никогда уж меня не оставят быть тем мирным ребенком, каким я был перед этим в ночи,
У моря под желтой изгибной луной,
Вестник тогда пробудился, огонь, сладостный ад внутри,
Потребность неведомая, мой удел.
О, дай мне ключ! (он где-то таится вот здесь в ночи),
Если столько дано мне, дай мне иметь и больше.

Так слово! ибо я завоюю его!
Слово конечное, высшее слово из всех,
Утонченное, посланное – что это? – вот, я слушаю;
Вы его шепчете, вы все время его шептали, волны морские?

Так это оно с ваших влажных краев и песков омоченных?

На это ответствуя, море,
Без промедлений, без торопливости,
Мне шепнуло сквозь ночь, и явственно перед рассветом,
Пролетело мне тихое слово, пленительное – смерть,
И снова смерть, смерть, смерть, смерть,
С мелодическим свистом, не так, как птица, и не так, как сердце мое, пробужденное
сердце ребенка,
Но, придвигаясь каймой и как будто бы именно мне шелестя у ног моих,
Вползая оттуда упорно до слуха внимающего и мягко меня всего омывая,
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.
Чего не забуду я, –
Но вот сливаю песню моего смутного демона брата,
Которую мне он пропел в лунном свете на побережье седом Помэнока,
С тысячью песен ответных, взятых мной наудачу,
Собственных песен моих, пробужденных от этого часа,
И с ними ключ, слово из волн,
Слово нежнейшей песни и все песнопенья,
Это пленительно-сильное слово, которое, к ногам моим подползая,
(Или как некая старая нянька, что колыбель качает, всю в свивальниках нежных, ее к
стороне отклоняя),
Нашептало мне море.

СЛЕЗЫ

Слезы! слезы! слезы!
В одиночестве, ночью, слезы,
Что, капля за каплей, на берег седой, текут, их впивает песок,
Слезы, слезы, нет ни звезды, все пустынно и всюду темно,
Влажные слезы из глаз, на закутанном чьем-то лице.
О, кто этот призрак? тот дух, в темноте и в слезах?
Как обрубок бесформенный, он согнулся, сидит на песке?
И слезы, и вздохи, и муки, он задохся от криков безумных;
О, буря, она собралась, возросла, и несется, и мчится по отлогому берегу, вдаль!
О, дикая буря ночная, зловещая буря, с ветрами – в ней отчаянье, в ней извержение!
О, тень, как степенна она, как пристойна при свете дневном, с спокойным лицом и с
размеренным шагом,
Но прочь уходящая ночью, поспешно, не видит никто, –
Тогда разрешен океан
Слез! слез! слез!

ПРОЩАЙ, МОЯ МЕЧТА

Прощай, моя Мечта!
Подруга милая, умершая любовь!

Я ухожу, куда – не знаю.
Не знаю что в пути я встречу,
И встретимся ль когда с тобою снова,
Итак, прощай, моя Мечта!
Теперь в последний раз – на миг дай оглянуться;
Слабее тиканье часов внутри меня,
Слабее, тише,
Конец, исход, и нисхожденье ночи,
И скоро сердце остановится совсем.
Мы долго жили, радовались вместе, –
Пленительно! – ласкали мы друг друга,
Пришел разлуки час – прощай, моя Мечта!
Но не давай мне слишком быть поспешным.
Воистину мы долго жили, спали,
Переливались, и совсем смешались
В одно;
Так если мы умрем, умрем мы вместе,
(Да, мы останемся как нечто, что одно),
Коль мы куда-нибудь пойдем,
Пойдем мы вместе, чтобы встретить, что случится,
Быть может, лучше будем мы и веселее,
Научимся чему-нибудь,
Быть может, это ты теперь меня
Ведешь
(Кто знает?) к песням настоящим,
Быть может, это ты теперь
Вращаешь смертный узел, разрешаешь, –
Итак, в последний раз,
Прощай же – и привет тебе сердечный,
Моя Мечта!

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

СЛЕЗЫ

О, слезы, слезы, что в вас, я не знаю,
Из глубины какой-то высшей боли
Вы к сердцу подступаете, к глазам,
Глядящим на желтеющие нивы,
На призрак дней, которых больше нет.

Вы свежи, словно первый луч, что глянул
На корабле, любимых нам вернувшем,
Вы грустны, как последний луч, вдали,
На корабле, увлекшем наше счастье,
Так грустны дни, которых больше нет.

О, странно-грустны, как в рассвете летнем
Крик сонных птиц, сквозь сон поющих песню
Для гаснущего слуха, в час, когда
Горит окно для гаснущего взора,
Так странны дни, которых больше нет.

Желанные, как сладость поцелуев,
Как сладость ласк, что мыслим мы с тоскою
На чуждых нам устах, – и как любовь,
Как первая любовь, безумны, страстны,
Смерть в жизни, дни, которых больше нет.

КРАКЕН

Внизу, под громом верхней глубины,
Там, далеко, под пропастями моря,
Издревле, чуждым снов, безбурным сном
Спит Кракен: Еле зримые сиянья
Скользят вокруг теневых его боков;
Над ним растут огромнейшие губки
Тысячелетней грозной вышины;
И далеко кругом, в мерцаньи тусклом,
Из гротов изумительных, из тьмы
Разбросанных повсюду тайных келий
Чудовища-полипы, без числа,
Гигантскими руками навевают
Зеленый цвет дремотствующих вод.
Там он века покоился, и будет
Он там лежать, питаясь во сне
Громадными червями океана,
Пока огонь последний бездны моря
Не раскалит дыханьем, и тогда,
Чтоб человек и ангелы однажды
Увидели его, он с громким воплем
Всплывет, и на поверхности умрет.

СТРАНСТВИЯ МАЛЬДУНА

1

Я был предводителем рода – он убил моего отца,
Я созвал товарищей верных – и поклялся мстить до конца,
И каждый царем был по виду, и был благороден и смел,
И древностью рода гордился, и песни геройские пел,
И в битве бестрепетно бился, на беды взирая светло,

И каждый скорее бы умер, чем сделал кому-нибудь зло.
Он жил на острове дальнем, и в море мы чуяли след: –
Убил он отца моего, перед тем как увидел я свет.

2

И мы увидали тот остров, и он у прибоя стоял.
Но с вихрем в безбрежное море нас вал разъяренный умчал.

3

Мы приплыли на Остров Молчанья, где был берег и тих, и высок,
Где прибой океана безмолвно упал на безмолвный песок,
Где беззвучно ключи золотились, и с угрюмых скалистых громад
Как застывший в порыве широком, изливался немой водопад.
И, нетронуты бурей, виднелись кипарисов недвижимых черты,
И сосна от скалы устремлялась, уходя за предел высоты,
И высоко на небе, высоко, позабывши о песне своей,
Замечтавшийся жавронок реял меж лазурных бездонных зыбей,
И собака не смела залаять, и медлительный бык не мычал,
И петух повторительным криком зарождение зари не встречал,
И мы все обошли, и ни вдоха от земли не умчалось в твердь,
И все было, как жизнь, лучезарно, и все было спокойно, как смерть.
И мы проклинали Остров прекрасный, и мы проклинали светлую тишь: –
Мы кричали, но нам показалось – то кричала летучая мышь,
Так был тонок наш голос бессильный, так был слаб наш обманчивый зов,
И бойцы, что властительным криком поднимали дружины бойцов,
Заставляя на тысячи копий устремляться, о смерти забыв,
И они, и они онемели, позабыли могучий призыв,
И, проникшись взаимной враждою, друг на друга не смели взглянуть.
Мы покинули Остров Молчанья, и направили дальше свой путь.

4

Мы приблизились к Острову Криков, мы вступили на землю, и вмиг
Человеческим голосом птицы над утесами подняли крик.
Каждый час лишь по разу кричали, и как только раскат замолкал,
Умирали колосья на нивах, как подстреленный, бык упал,
Бездыханными падали люди, на стадах выступала чума,
И в очаг опускалася крыша, и в огне исчезали дома.
И в сердцах у бойцов эти крики отозвались, зажглись, как огни,
И протяжно они закричали, и пустились в схватку они,
Но я рознял бойцов ослепленных, устремлявшихся грудью на грудь,
И мы птицам оставили трупы, и направили дальше свой путь.

5

Мы приплыли на Остров Цветов, их дыханьем дышала волна,

Там всегда благовонное Лето, и всегда молодая Весна.
Ломонос голубел на утесах, страстоцвет заплетался в венки,
Мириадами венчиков нежных и мерцал, и звездился вьюнок.
Вместо снега покровы из лилий покрывали покатоности гор,
Вместо глетчеров глыбы из лилий уходили в багряный простор,
Между огненных маков, тюльпанов, миллионов пурпурных цветов,
Между терна и роз, возникавших из кустов без шипов и листов.
И уклон искрометных утесов, как поток драгоценных камней,
Протянувшись от моря до неба, весь играл переливом огней,
Мы блуждали по мысам шафрана, и смотрели, как остров блестит,
Возлежали на ложах из лилий, и гласили, что Финн победит.
И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью цветов,
И томились мы жгучею жаждой, и напрасно искали плодов,
Все цветы и цветы за цветами, все блистают цветы пеленой,
И мы проклинали Остров цветущий, как мы проклинали остров немой.
И мы рвали цветы, и топтали, и не в силах мы были вздохнуть,
И оставили голые скалы, и направили дальше свой путь.

6

Мы приплыли на Остров Плодов, и плоды золотились, горя,
Бесконечные сочные гроздья отливались огнем янтаря,
Точно солнце, желтелася дыня на рассыпчатом красном песке,
И с отлогого берега смоква поднималась, блестя вдалеке,
И гора, как престол, возносила, и роняла оттенки в залив,
От мерцания груш золотистых, от сверкания рдеющих слив,
И лоза вокруг лозы извивалась, вызревающих ягод полна,
Но в плодах ароматных скрывалась ядовитая радость вина.
И вершина утеса, из яблок, величайших из всех на земле,
Разрасталась без листьев зеленых, и тонула в сверкающей мгле,
И краснелась нежней, чем здоровье, и румянилась ярче стыда,
И Заря багрянец лучезарный не могла превзойти никогда.
Мы три дня упивались плодами, и безумье нахлынуло сном,
И друзья за мечи ухватились, и рубились в безумьи слепом,
Но плоды я вкушал осторожно, и, чтоб разум ослепшим вернуть,
Я сказал им о мести забытой, – мы направили дальше свой путь.

7

Мы приплыли на Остров Огня, он манил нас, блистая в воде,
Он вздымался на целую милю, устремляясь к Полярной звезде.
И едва на ногах мы стояли, созерцая огонь голубой,
Потому что весь остров качался, как объятый предсмертной борьбой,
И безумны мы были от яда золотых ядовитых плодов,
И, боясь, что мы бросимся в пламя, натянули мы сеть парусов,
И уплыли скорее подальше, и сокрылась от взоров земля,
Мы увидели остров подводный, под водою – светлей хрустала,
И глядели мы вниз, и дивились, что за Рай там блаженный блистал,
Там стояли старинные башни, там вздымался безмолвный портал
Безмятежных дворцов, – как виденья, как поля невозбранного сна.

И для сердца была так призывна голубая, как твердь, глубина,
Что из лучших воителей трое поспешили скорей утонуть, –
Глубь задернулась быстрою зыбью, мы направили дальше свой путь.

8

Мы прибыли на Остров Щедрот, небеса были низки над ним,
И с рассветом лучистые длани облака раздвигали, как дым,
И для каждого падала пища, чтоб он мог не работать весь день,
До того, как на Западе встанет золотая вечерняя тень.
Еще не был наш дух беспокойный так пленительно-ласков и тих,
И мы пели о Финне могучем, и о древности предков своих.
Мы сидели, покоясь и нежась, у истока певучих ключей,
И мы пели звучнее, чем барды, о судьбе легендарных царей.
Но потом утомились мы негой, и вздыхали, и стали роптать,
И мы проклинали Остров Блаженный, где могли без помехи мечтать,
И мы проклинали Остров Зеленый, потому что он наш был везде,
Потому что врага не могли мы – не могли отыскать мы нигде.
И мы в шутку швыряли камень, мы как будто играли в шары,
Мы играть захотели в сраженье, захотели опасной игры,
Потому что кипучие страсти нам томили мятежную грудь,
И, насытившись дикой резнею, мы направили дальше свой путь.

9

Мы приплыли на Остров Колдуний, и певучий услышали зов –
«О, придите, придите, придите!» прозвучало над зыбью валов,
И огнистые тени дрожали, от небес упавая к земле,
И нагая, как небо, колдунья восставала на каждой скале,
И толпы их белели на взморье, словно чайки над пеной валов,
И толпы их резвились, плясали на обломках погибших судов,
И толпы их бросались в волны освежить белоснежную грудь,
Но я знал, в чем опасность, и дальше поскорей мы направили путь.

10

И в недоброе время достигли мы до Острова Башен Двойных,
Из камней полированных башня, и пред ней из цветов вырезных,
Возносились обе высоко, но дрожали пещеры внизу,
Ударялися башни, звенели, и гремели, как небо в грозу,
И гудели призывным набатом, точно яростный возглас громов,
И раскаты проникли до сердца разгоревшихся гневом бойцов,
И за башню камней разноцветных, и за башню цветов вырезных
Меж бойцами резня разразилась, – и на Острове Башен Двойных
Вплоть до вечера буря Господня лишь смолкала затем, чтоб сверкнуть,
И оставивши много убитых, мы направили дальше свой путь.

11

Мы приплыли на Остров Святого, что когда-то с Бренданом уплыл,
Он на острове жил неотлучно, и уж старцем-святителем был.
Еле слышен был голос святого, словно голос далеких миров,
И к ногам борода упала белизною нагорных снегов.
Он сказал мне: «Ты злое задумал. О, Мальдун, ты живешь как во сне,
Ты забыл, что сказал нам Всевышний, – Он сказал нам: «Отмщение – Мне».
Умерщвлен был твой прадед, отмщен был, и за кровь пролита была кровь,
И убийство сменялось убийством, и убийство свершалось вновь.
О, доколе все это продлится? Нет конца помышлениям злым.
Возвращайся же к острову Финна, пусть Былое пребудет Былым».
И края бороды белоснежной мы лобзали, вздохнув от борьбы,
Мы молились, услыша, как старец воссылал пред Всевышним мольбы,
И смирил нас преклонный Святитель, и главу опустил он на грудь,
Мы печально корабль снарядили, и направили дальше свой путь.

12

И мы вновь увидели тот Остров, и убийца на взморье стоял,
Но мы мимо проплыли безмолвно, хоть на остров нас вал увлекал.
О, устал я, устал от скитаний, от волнений, борьбы, и грехов,
И приблизился к Острову Финна только с горстью угрюмых бойцов.

ВКУШАЮЩИЕ ЛОТОС

«Смелей!» воскликнул он. «Вон там, в туманной дали,
Причалим мы к земле». Чуть пенилась вода.
И в сумерки они к чужой стране пристали,
Где сумеречный час как будто был всегда.
В тревожно-чутких снах дышала гладь морская,
Вздыхался круг луны над сумраком долин.
И точно бледный дым, поток, с высот сбегаю,
Как будто замедлял свой путь, изнемогая,
И падал по скалам, и медлил меж теснин.

О, тихий край ручьев! Как бледный дым, иные
Скользили медленно по зелени лугов,
Иные падали сквозь тени кружевные,
Роняя дремлющий и пенистый покров.
Огненная река струила волны в море
Из глубины страны; а между облаков,
Три мертвые горы, в серебряном уборе,
Хранили след зари, и сосны на просторе
Виденьями росли, среди немых снегов.

На Западе Закат, навек замороженный,
Горя, не погасал; и сквозь провалы гор
Виделась глубь страны, песками окаймленной,

Леса из пышных пальм сплетались в узор,
Долины и луга, в сверканьи бледной влаги,
Страна, где перемен как будто нет и нет.
И, бледнолицые, как тени древней саги,
Толпой у корабля сошлись Лотофаги,
В их взорах трепетал вечерний скорбный свет.

Душистые плоды волшебного растенья
Они давали всем, как призраки глядя,
И каждый, кто вкушал, внимал во мгле забвенья,
Как ропот волн стихал, далеко уходя;
Сердца, в сознании всех, как струны трепетали,
И, если кто из нас друг с другом говорил,
Невнятные слова для слуха пропадали,
Как будто чуть звеня во мгле безбрежной дали,
Как будто приходя из сумрака могил.

И каждый, хоть не спал, но был в дремоте странной,
Меж солнцем и луной, на взморье, у зыбей,
И каждый видел сон о Родине туманной,
О детях, о жене, любви, – но все скучней
Казался вид весла, все большей тьмой объята
Казалась пена волн, впивающая свет,
И вот один сказал: «Нам больше нет возврата!»
И вдруг запели все: «Скитались мы когда-то.
Наш край родной далек! Для нас возврата нет!»

1

Есть музыка, чей вздох нежнее упадает,
Чем лепестки отцветших роз,
Нежнее, чем роса, когда она блистает,
Роняя слезы на утес;
Нежней, чем падает на землю свет зарницы,
Когда за морем спит гроза,
Нежней, чем падают усталые ресницы
На утомленные глаза;
Есть музыка, чей вздох как сладкая дремота,
Что сходит с неба в тихий час,
Есть мшистая постель, где крепко спит забота
И где никто не будит нас;
Там дышит гладь реки в согретом полумраке,
Цветы баюкает волна,
И с выступов глядя, к земле склонились маки,
В объятьях нежащего сна.

2

Зачем душа болит, чужда отдохновенья,
Неразлучимая с тоской,

Меж тем как для всего нисходит миг забвенья,
Всему даруется покой?
Зачем одни лишь мы в пучине горя тонем,
Одни лишь мы, венец всего,
Из тьмы идя во тьму, зачем так скорбно стонем,
В терзании сердца своего?
И вечно и всегда трепещут наши крылья,
И нет скитаниям конца,
И дух целебных снов не сгонит тень усилия
С печально-бледного лица?
И чужды нам слова чуть слышного завета: –
«В одном покое торжество».
Зачем же только мы томимся без привета,
Одни лишь мы, венец всего?

3

Вон там, в глуши лесной, на ветку ветер дышит,
Из почки вышел нежный лист,
И ветер, проносясь, едва его колышет,
И он прозрачен и душист.
Под солнцем он горит игрою позолоты,
Росой мерцает под луной,
Желтеет, падает, не ведая заботы,
И спит, объятый тишиной.
Вон там, согрет огнем любви, тепла и света,
Растет медовый сочный плод,
Созреет, и с концом зиждительного лета
На землю мирно упадет.
Всему есть мера дней; взлелеянный весною,
Цветок не ведает труда,
Он вянет, он цветет, с землей своей родною
Не разлучаясь никогда.

4

Враждебен небосвод, холодный, темно-синий,
Над темно-синиею волной,
И смерть предел всего, и мы идем пустыней,
Живя тревогою земной.
Что может длиться здесь? Едва пройдет мгновенье,
Умолкнут бледные уста.
Оставьте нас одних в тиши отдохновенья,
Земля для нас навек пуста.
Мы лишены всего. – Нам ничего не надо.
Все тонет в сумрачном Былом.
Оставьте нас одних. Какая нам отрада –
Вести борьбу с упорным злом?
Что нужды восходить, в стремленьи бесконечном,
По восходящей ввысь волне?

Все дышит, чтоб иметь удел в покое вечном,
Все умирает в тишине.
Все падает, мелькнув, как тень мечты бессильной,
Как чуть плеснувшая волна.
О, дайте нам покой, хоть черный, хоть могильный,
О, дайте смерти или сна.

5

Глаза полузакрыв, как сладко слушать шепот
Едва звенящего ручья,
И в вечном полусне внимать невнятный ропот
Изжитой сказки бытия.
И грезить, и дремать, и грезить в неге сонной,
Как тот янтарный мягкий свет,
Что медлит в высоте над миррой благовонной
Как будто много-много лет.
Отдавшись ласковой и сладостной печали,
Вкушая Лотос день за днем,
Следить, как ластится волна в лазурной дали,
Курчавясь пеной и огнем.
И видеть в памяти утраченные лица,
Как сон, как образ неживой,
Навек поблекшие, как стертая гробница,
Полузаросшая травой.

6

Нам память дорога о нашей брачной жизни,
О нежной ласке наших жен;
Но все меняется, и наш очаг в отчизне
Холодным прахом занесен.
Там есть наследники; и наши взоры странны;
Мы потревожили бы всех,
Как привидения, мы не были б желанны
Среди пиров, где дышит смех.
Быть может, мы едва живем в мечте народа,
И вся Троянская война,
Все громкие дела теперь лишь гимн рапсода,
Времен ушедших старина.
Там смута, может быть; но, если безрассудно
Забыл народ завет веков,
Пусть будет то, что есть: умиловить трудно
Всегда взыскательных богов.
Другая смута есть, что хуже смерти черной, –
Тоска пред новою борьбой;
До старости седой – борьбу и труд упорный
Везде встречать перед собой, –
Мучение для тех, в чьих помыслах туманно,
Кто видел вечную беду,

Чей взор полуослеп, взирая неустанно
На путеводную звезду.

7

Но здесь, где амарант и моли пышным цветом
Везде раскинулись кругом,
Где дышат небеса лазурью и приветом
И веют легким ветерком,
Где искристый поток напевом колыбельным
Звенит, с пурпурных гор скользя,
Как сладко здесь вкушать в покое беспредельном
Восторг, что выразить нельзя.
Как нежны голоса, зовущие оттуда,
Где шлет скала привет скале,
Как нежен цвет воды с окраской изумруда,
Как мягко льнет акант к земле,
Как сладко здесь дремать, покоясь под сосною,
И видеть, как простор морей
Уходит без конца широкой пеленою,
Играя светом янтарей.

8

Здесь Лотос чуть дрожит при каждом повороте,
Здесь Лотос блещет меж камней,
И ветер целый день, в пленительной дремоте,
Поет нежней и все нежней.
И впадины пещер, и сонные долины
Покрыты пылью золотой.
О, долго плыли мы, и волны-исполины
Грозили каждый миг бедой, –
Мы ведали труды, опасности, измену,
Когда среди стонущих громад
Чудовища морей выбрасывали пену,
Как многошумный водопад.
Клянемтесь же, друзья, изгнав из душ тревоги,
Пребыть в прозрачной полумгле,
Покоясь на холмах, бесстрастные, как боги,
Без темной думы о земле.
Там где-то далеко под ними свищут стрелы,
Пред ними нектар золотой,
Вкруг них везде горят лучистые пределы,
И тучки рдеют чередой.
С высот они глядят и видят возмущенье,
Толпу в мучительной борьбе,
Пожары городов, чуму, землетрясенье,
И руки, сжатые в мольбе.
Но в песне горестной им слышен строй напева
Иной, что горести лишен,

Как сказка, полная рыдания и гнева,
Но только сказка, только сон.
Людьми воспетые, они с высот взирают,
Как люди бьются на земле,
Как жатву скудную с полей они собирают
И после тонут в смертной мгле.
Иные, говорят, для горечи бесменной
Нисходят в грозный черный ад,
Иные держат путь в Элизиум блаженный
И там на златооках спят.
О, лучше, лучше спать, чем плыть во тьме безбрежной,
И снова плыть для новых бед.
Покойтесь же, друзья, в отраде безмятежной,
Пред нами странствий больше нет.

ВОЛШЕБНИЦА ШАЛОТ

Часть 1-ая

По обе стороны реки
Во ржи синеют васильки,
Поля безбрежно-далеки,
Ведут в зубчатый Камелот.
Мелькает тень и там, и тут,
И вдаль прохожие идут,
Глядя, как лилии цветут
Вкруг острова Шалот.

Осина тонкая дрожит,
И ветер волны сторожит.
Река от острова бежит,
Идя по склону в Камелот.
Четыре серые стены,
И башни, память старины,
Вздымаясь, видят с вышины
Волшебницу Шалот.

Седеют ивы над водой,
Проходят баржи чередой,
Челнок, тропой золотой,
Скользя, промчится в Камелот.
Но с кем беседует она?
Быть может, грезит у окна?
Быть может, знает вся страна
Волшебницу Шалот?

Одни жнецы, с рассветом дня,
На поле желтом ячменя,
Внимают песне, что, звеня,

С рекой уходит в Камелот;
И жнец усталый, при луне,
Снопы вздымая к вышине,
Тихонько шепчет, как во сне: –
«Волшебница Шалот!»

Часть 2-ая

Пред нею ткань горит, сквозя,
Она прядет, рукой скользя,
Остановиться ей нельзя,
Чтоб глянуть вниз на Камелот.
Проклятье ждет ее тогда,
Грозит безвестная беда,
И вот она прядет всегда,
Волшебница Шалот.

Лишь видит в зеркало она
Виденья мира, тени сна,
Всегда живая пелена
Уходит быстро в Камелот.
Светло-вспененная река,
И темный образ мужика,
И цвет мелькнувшего платка
Проходят пред Шалот.

И каждый миг живет тропа,
Смеется девушек толпа,
И ослик сельского попа
Бредет в зубчатый Камелот.
Порой, в зеркальной глубине,
Проскачет рыцарь на коне,
Ее не видит он во сне,
Волшебницу Шалот.

Но все растет узор немой,
И часто, в тихий час ночной,
За колесницей гробовой
Толпа тянулась в Камелот.
Когда же, лунных снов полна,
Чета влюбленных шла, нежна,
«О, я от призраков – больна!»
Печалилась Шалот.

Часть 3-ая

На выстрел лука, в стороне,
Зарделись латы, как в огне,
Скакал в доспехах, на коне,
Бесстрашный рыцарь Ланчелот.

Служил он даме-красоте,
Чье имя было на щите,
Горевшем пышно, как в мечте,
Вдали-вблизи Шалот.

Свободно бились повода,
Алмаз горел в них, как звезда,
Играла звонкая узда,
Пока он ехал в Камелот.
Блистая светлая броня,
Могучий рог висел, звеня,
И бился по бокам коня,
Вдали-вблизи Шалот.

Седло в огнях из серебра,
Герба лучистая игра,
И шлем, и яркий цвет пера,
Весь блеск уходит в Камелот.
Так бородатый метеор
Во тьме ночей плетет узор,
Как в этот миг сверкал простор
Пред стихнувшей Шалот.

Как пышен был поток лучей.
Копыта били все звончей,
Светились кудри горячей,
Пока он ехал в Камелот.
Внимала песне гладь реки,
Осин и бледных ив листки,
Внимали песне васильки,
Пел рыцарь Ланчелот.

Забыт станок, забыт узор,
В окно увидел жадный взор
Купавы, шлем, коня, простор,
Вдали зубчатый Камелот.
Порвалась ткань с игрой огня,
Разбилось зеркало, звеня,
«Беда! Проклятье ждет меня!»
Воскликнула Шалот.

Часть 4-ая

Бледнели желтые леса,
В реке рыдали голоса,
Закрыла буря небеса,
Летя с востока в Камелот.
Она сошла, как в забытьи,
И начертала у струи
На светлом выступе ладьи: —
В о л ш е б н и ц а Ш а л о т .

Шумя, туманилась волна,
И, как провидец, в блеске сна,
Взирала пристально она,
Глядя на дальний Камелот.
И день померкнул вдалеке,
Она лежала в челноке,
И волны мчали по реке
Волшебницу Шалот.

Мерцало платье белизной,
Как хлопья снега под луной,
Она плыла во тьме ночной,
И уплывала в Камелот.
И песню слышала волна,
И песня та была грустна,
В последний пела раз она,
Волшебница Шалот.

И смолк напев ее скорбей,
И вот уж кровь остыла в ней,
И вот затмился взор очей,
Глядя на сонный Камелот.
И прежде чем ладья, светла,
До дома первого дошла,
Со звуком песни умерла
Волшебница Шалот.

В виду альтанов и садов,
И древних башен и домов,
Она, как тень, у берегов,
Плыла безмолвно в Камелот.
И вот кругом, вблизи, вдали,
Толпами граждане пришли,
И на ладье они прочли –
В о л ш е б н и ц а Ш а л о т .

В дворце веселый смех погас,
«О, Господи, помилуй нас!»
Молились все, греха страшась,
И только рыцарь Ланчелот,
Подумав, молвил, не спеша: –
«Лицом как ангел хороша,
Да успокоится душа
Волшебницы Шалот!»

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЕТЕ

ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Когда престарелый
Святой наш Отец
Рукою небрежной
Из тучи грохочущей
Сеет на землю
Палящие молнии,
К последнему краю
Одежд улетающих
Я льну, их лобзаю,
С младенческим трепетом
В верной груди.

Ибо с богами
Не должен равняться
Никто из людей.
Когда ж дерзновенный
До неба воспрянет,
Головою коснется
Отдаленнейших звезд,
Не найдет он опоры
Для неверной стопы,
И начнет колебаться,
И тучи с ветрами
Им будут играть.

Если ж стоит он
Стопою упорной,
Как на прочной твердыне,
На могучей земле,
В стремлении к небу
Он только сравнится
С виноградной лозою
Или с дубом немым.

Что отличает
Людей от богов?
Пред богами проходят
Многokратные волны,
Бесконечный поток: –
Нас волна поднимает,
Нас волна поглощает,
И мы тонем в волне.

Узкою цепью
Вкруг нашей жизни
Вьется кольцо.
Поколенья приходят,
Поколенья уходят,

Постепенно сплетаясь
Бесконечною цепью
По кольцу Бытия.

ПРОМЕТЕЙ

Отрывок

Закрой, Зевес, парами облаков
Твое разгневанное небо,
И забавляйся, как мальчишка,
Сбивающий головки у волчцов,
Громи дубы и горные вершины,
Моя земля
Останется за мною,
И хижина, что создал я, не ты,
И мой очаг,
Чей жгучий пламень
В тебе тревожит зависть.

Не знаю я под солнцем ничего
Ничтожней вас, богов!
Дыханием молитв
И данью жертв
Свое величие питаете вы скудно,
И умерли бы вы,
Когда бы нищие и дети
В себе не тешили бессмысленных надежд.

Когда я был ребенком,
Когда кругом не видел ясно ничего,
Тогда в бессилии блуждающие взоры
Я к солнцу устремлял,
Как будто там вверху
Был чей-то слух, чтоб внять моим мольбам,
И чье-то сердце, как мое,
Дышало жалостью, тоскуя с огорченным.

Кто мне помог
В борьбе с надменностью титанов?
Кто спас меня от смерти,
Спас от рабства?
Не ты ли все само свершило,
Священным пламенем пылающее сердце?
И благодарностью напрасной
Не ты ли, юное, горело
Тому, кто дремлет в небесах?

Мне чтить тебя? За что?

Усладил ли ты скорби
Утомленного?
Осушил ли ты слезы
Огорченного?

И разве меня
Не создало мужем
Всесильное время
И Судьба довременная,
Мои и твои повелители?

Не мнил ли ты, что я
Возненавижу жизнь,
Бегу в пустыни,
Увидя, что не все исполнились надежды,
Не все мечты цветами расцвели?

Я здесь сижу,
Творю людей,
Подобных мне,
Я здесь творю иное поколение,
Что будет плакать, и томиться,
И ликовать, и бурно наслаждаться,
И презирать тебя,
Как я!

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

* * *

Утром, встав, я вопрошаю: —
Встречу ль ту, что мне мила?
Грустным вечером вздыхаю: —
И сегодня не пришла.

Ночью долго, истомленный,
Я тоскую и не сплю,
Днем влюбленный, полусонный,
Все мечтаю, все люблю.

* * *

В волшебном-светлом месяце май

Все почки распускались,
И в нежном сердце у меня
Мечты любви рождались.

В волшебно-светлый месяц май,
Когда все птицы пели,
Я ей сказал, что я ее
Люблю на самом деле.

* * *

Из моих скорбей великих
Песни малые сотку я,
Вот они на звонких крыльях
В сердце к ней летят, ликуя.

Полетели, прилетели,
Возвратились, и скорбят,
Были в сердце, – что там в сердце,
Рассказать мне не хотят.

* * *

Твои белые лилии-пальцы
Я хотел бы опять целовать,
И к груди моей нежно прижать их,
И тихонько, беззвучно рыдать.

Твои ясные глазки-фиалки
Предо мною и ночью и днем,
И томлюсь я: какая загадка
В этом ласковом сне голубом?

* * *

Когда разлучаются двое,
Жмут руки, с печалью лица,
И плакать они начинают,
Вздыхают они без конца.

Не плакали мы, не вздыхали,
Когда расставаться пришлось,
Но после, о, после, как много

Узнали мы вздохов и слез.

* * *

На дальнем горизонте,
Как дымно-светлый лик,
В заре вечерней, город
Меж башнями возник.

Курчавит ветер влажный
Седой воды стекло,
С размерностью печальной,
Вперед, гребет весло.

Еще горит мне солнце,
И луч последний ал,
То место отмечаю,
Где все я потерял.

* * *

Мы все у рыбацкого дома
Уселися шумной толпой.
К вечернему ясному небу
Туман поднимался морской.

Высокий маяк засветился,
Должно быть, огни там зажгли.
Как призрак туманный, пред нами
Корабль показался вдали.

А мы говорили о буре,
О том, как матросы живут,
То в страхе, то с песней находят,
Меж небом и морем приют.

Какие есть люди и нравы,
Как мир бесконечно широк,
Как полны загадок волшебных
И Север и дальний Восток.

У светлого, звонкого Ганга
Деревья-гиганты цветут,
Прекрасные, кроткие люди
Пред лотосом гимны поют.

В Лапландии грязные люди
На корточках важно сидят,
Варят себе рыбу, в лачугах,
Варят, и кричат, и визжат.

Но вот наступило молчанье,
И каждый невольно вздохнул.
И дальний корабль одинокий
В тумане морском потонул.

КОРОЛЬ ГАРАЛЬД ПРЕКРАСНОКУДРЫЙ

Король Гаральд Прекраснокудрый
Сидит во мгле морских глубин,
С ним фея вод, она прекрасна;
И год идет за мглой годин.

Зафеен Никсой, зачарован,
Он не умрет и не живет;
Уж целых двести лет так длится,
То колдовство в глубинах вод.

Он голову склонил на лоно
Жены, чей нежен блеск лица,
Никак не может наглядеться,
Глядит на фею без конца.

Златые кудри серебрятся,
И видны кости бледных щек,
Он привиденье с чахлым ликом,
Завядший сломанный цветок.

Нередко из любовной грезы
Он вдруг насильно пробужден,
Ведь там вверху кипит течение,
Хрустальный замок возмущен.

Нередко слышит он – как будто
Норманы кличут, песнь слышна;
Он руку весело подымет,
Печально падает она.

Нередко даже хор матросов
Как будто ясно слышит он,
Король Гаральд Прекраснокудрый
В геройской песне вознесен.

Король рыдает, плачет, стонет,
Всею мощью сердца, сжатой сном.

И фея вод его проворно
Смеющимся целует ртом.

* * *

На перекрестке зарывают
Самоубийц, – где крест дорог.
Цвет осужденных там восходит,
Дрожащий синенький цветок.

На перекрестке, там стоял я,
Холодный месяц чуть блистал,
Под ним, во мраке, тихо, тихо,
Цвет осужденных трепетал.

* * *

Смерть это светлая ночь,
Жизнь есть удушливый день.
Смерклось, мне спится, устал я,
Ласкова тень.

Ветви растут надо мной,
Песнь соловья в вышине.
Все про любовь он поет мне, я слышу,
Даже во сне.

* * *

Что хочет слеза одинокая?
Она туманит мне взгляд.
Осталась из старого времени,
Зовет в невозвратность, назад.

Сестер у нее было блистающих
Так много, – погасли лучи,
Растаяли с болью и с радостью,
Развеялись в ветре, в ночи.

Туманом и синие звездочки
Разрешили сиянье свое,
Что нежной улыбкой забросили
Боль и радости в сердце мое.

Да что ж, и любовь вся растаяла,
Как призрачность праздной мечты.
Слеза одинокая, прежняя,
Развейся, растай уж и ты.

* * *

Звезда сорвалась, падает,
С лучистой своей высоты.
Звезда любви падает,
Упала среди темноты.

Цветы с апельсиновых деревьев
Спадают, изменчивый рой.
Приходят дразнящие ветры,
И тешатся вольной игрой.

Лебедь поет над волнами,
И плавает взад и вперед,
Поет он все тише и тише,
И тонет в могильности вод.

Все тихо, так тихо и смутно.
Нет листьев с цветами, мертво,
Нет звездного лика, распался,
Нет лебедя с песней его.

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

* * *

Солнечный закат;
Черны облака,
Ветры прочь летят,
Душно, и тоска.

Молний огневых
Борозды бегут;
Быстрый образ их
Озаряет пруд.

Мнится, ты – со мной,

В четкости зарниц,
Волосы – волной,
Взоры – взмахи птиц.

* * *

На пруду, где тишь немая,
Медлит месяц мглой лучей,
Розы бледные вплетая
В зелень стройных камышей.

На холме блуждают лани,
В ночь глядит их чуткий взгляд;
Крылья вдруг всплеснут в тумане,
Шевельнутся, замолчат.

Взор склонил я, в нем страданье,
Всей душевной глубиной –
О тебе мое мечтанье,
Как молитва в час ночной.

* * *

Там, на глухом лесном краю,
Волк воет; – мать ребенок молит,
И в ночь кричит он, да позволит
Ему найти еду свою.

Еду кровавую. Несутся
Метели, бешено свистят,
Согреться пляскою хотят: –
Все вопли, сердце, пусть проснутся.

Твои да встанут мертвецы,
Печали темными ордами.
И с челядью, рожденной льдами,
Да побегут во все концы.

К ПЕЧАЛИ

В жизни ты везде со мною,
О, печаль, мечта-беда,
Я во мраке, я с звездою,

Ты со мной, равно, всегда.

Ты меня уводишь в горы,
Где орел – сторожевой,
Где еловые узоры,
Где гремуч поток лесной.

Там, что умерло – живое,
Я взрыдаю как в бреду,
И лицо свое ночное
Я на грудь твою кладу.

ТИХАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ

Чу, как тихо в темной роще, ты и я,
Мы одни с тобой, о, милая моя.

Прозвучал вдали, над зеленью лугов,
Колокольный, чуть дрожащий, тихий зов.

На цветках, что преклонились пред тобой,
Ветерок уснул, последний вздох ночной.

Я скажу тебе – ведь я один с тобой –
Всею душой моей я твой, навеки твой.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

Словно безбрежного счастья море,
Взгляд твой глубокий и полный участия
Светит мне ярко. На труд и на горе
Я уезжаю. И все мое счастье –
Перед разлукой, забывши ненастье,
Взором обнять это светлое море.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

БАЛКОН

Мать воспоминаний, нежная из нежных,

Все мои восторги! весь призыв мечты!
Ты вспомнишь чары ласк и снов безбрежных,
Прелесть вечеров и кроткой темноты.
Мать воспоминаний, нежная из нежных.

Вечера при свете угля золотого,
Вечер на балконе, розоватый дым.
Нежность этой груди! существа родного!
Незабвенность слов, чей смысл неистребим,
В вечера при свете угля золотого.

Как красиво солнце вечером согретым.
Как глубоко небо! в сердце сколько струн!
О, царица нежных, озаренный светом,
Кровь твою вдыхал я, весь с тобой и юн.
Как красиво солнце вечером согретым.

Ночь вокруг сгущалась дымною стеною,
Я во тьме твои угадывал зрачки,
Пил твое дыханье, ты владела мною,
Ног твоих касался братскостью руки.
Ночь вокруг сгущалась дымною стеною.

Знаю я искусство вызвать миг счастливый,
Прошлое я вижу возле ног твоих.
Где ж искать я буду неги горделивой,
Как не в этом теле, в чарах ласк твоих?
Знаю я искусство вызвать миг счастливый.

Эти благовонья, клятвы, поцелуи,
Суждено ль им встать из бездн, запретных нам,
Как восходят солнца, скрывшись на ночь в струи,
Ликом освеженным вновь светить морям?
– Эти благовонья, клятвы, поцелуи!

КРАСОТА

Стройна я, смертные, как греза изваянья,
И грудь, что каждого убила в час его,
Поэту знать дает любовь и с ней терзанье,
Безгласно-вечное, как вечно вещество.

В лазури я царю как сфинкс непостижимый;
Как лебедь бледная, как снег я холодна;
Недвижна Красота, черты здесь нерушимы;
Не плачу, не смеюсь, мне смена не нужна.

Поэты пред моим победно-гордым ликом
Все дни свои сожгут в алкании великом,

Дух изучающий пребудет век смущен;

Есть у меня для них, послушных, обаянье,
Два чистых зеркала, где мир преображен: –
Глаза, мои глаза, бездонное сиянье.

СМЕРТЬ ВЛЮБЛЕННЫХ

Постели, нежные от ласки аромата,
Как жадные гроба, раскроются для нас,
И странные цветы, дышавшие когда-то
Под блеском лучших дней, вздохнут в последний раз.

Остаток жизни их, почуяв смертный час,
Два факела зажжет, огромные светила,
Сердца созвучные, заплакав, сблизят нас,
Два братских зеркала, где прошлое почило.

В вечернем таинстве, воздушно-голубом,
Мы обменяемся единственным лучом,
Прощально-пристальным и долгим, как рыданье.

И Ангел, дверь поздней полуоткрыв, придет,
И, верный, оживит, и, радостный, зажжет
Два тусклых зеркала, два мертвые сиянья.

ГИГАНТША

В оны дни, как природа в капризности дум, вдохновенно
Каждый день зачинала чудовищность мощных пород,
Полюбил бы я жить возле юной гигантши бессменно,
Как у ног королевы ласкательно-вкрадчивый кот.

Я любил бы глядеть, как с душой ее плоть расцветает,
И свободно растет в ужасающих играх ее;
Заглянув, угадать, что за мрачное пламя блистает
В этих влажных глазах, где, как дымка, встает забытье.

Пробегать на досуге всю пышность ее очертаний,
Проползать по уклону ее исполинских колен,
А порой в летний зной, в час, как солнце дурманом дыханий

На равнину повергнет ее, точно взятую в плен,
Я в тени ее пышных грудей задремал бы, мечтая,
Как у склона горы деревушка ютится глухая.

ПРОПАСТЬ

Паскаль носил в душе водоворот без дна.
– Все пропасть алчная: слова, мечты, желанья.
Мне тайну ужаса открыла тишина,
И холодею я от черного сознанья.

Вверху, внизу, везде, бездонность, глубина,
Пространство страшное с отравой молчанья.
Во тьме моих ночей встает уродство сна
Многообразного, – кошмар без окончанья.

Мне чудится, что ночь – зияющий провал,
И кто в нее вступил, тот схвачен темнотою.
Сквозь каждое окно – бездонность предо мною.

Мой дух с восторгом бы в ничтожестве пропал,
Чтоб тьмой бесчувствия закрыть свои терзанья.
– А! Никогда не быть вне Чисел, вне Сознанья!

ПОЛЬ ФОР

ПЕСЕНКИ

1

Она умерла, умерла, она умерла от любви.
С рассветом ее унесли, и за гробом немногие шли.
Ее схоронили одну, одну, как она умерла,
Ее схоронили одну, как она перед смертью была.
И с песней вернулись они: «Кому суждено, так умрет».
И пели, и пели они: «Для каждого есть свой черед».
«Она умерла, умерла, она умерла от любви».
Ее унесли, и опять работать, работать пошли.

2

Море блестит за изгородью,
Море блестит как раковина.
Как бы его поймать? – Поймай!
Это веселый, веселый Май.

Нежно море за изгородью,
Нежно, как руки детские.
Так бы его и ласкал. – Ласкай!
Это веселый, веселый Май.

3

Прими всю глубь небес в твои глаза с их тьмою,
Своим молчанием проникни в тень земли, –
И если жизнь твоя той тени не усилит,
Огни далеких сфер в них зеркало нашли.

Там, изгородь ночей, с незримыми ветвями,
Хранит цветы огня, надежду наших дней, –
Печати светлые грядущих наших жизней,
Созвездья, зримые немим ветвям ночей.

Гляди, будь сам в себе, брось чувства в область мысли,
Собою увлекись, будь на земле ничей, –
Без понимания, глазами слушай небо,
Твое молчание есть музыка ночей.

4

Король покорила королеву
Черными своими кораблями,
И она «прости» сказала гневу,
И глядит покорными глазами.

5

Первый звон колоколов: – «Это в яслях Царь Небесный!»
Звон сменился перезвоном: – «Мой жених! Скорей, скорей!»
И сейчас же вслед за этим – звон протяжный похорон.

6

Мои глаза – два черных бриллианта,
Они блестят под шляпою Рембрандта,
Сюртук мой черен, черны башмаки,
И ток волос чернеет вдоль щеки.

Зачувяв злость, надменен я, конечно,
Улыбка лжива, взор горит сердечно.
Себе я вид преважный сотворю,
Когда с фальшивым братом говорю.

Хотел бы принцем быть я doskonaльным,

Людовиком тринадцатым фатальным,
И кто во мне, чувствительность поняв,
Найдет поэта, очень он лукав.

Однако, Бог, как рифму в важном гимне,
Дал сердце мне – как всем другим – увы мне,
Судьба, в забаве спутав смысл и счет,
Огонь горячий заложила в лед.

Все струны дрогнут, предо мной сверкая,
Религия моя – душа людская.
Когда пою, в мой входят звонкий пир
Кровь, золото, и розы, и Шекспир.

7

Под солнцем ярко-красным,
В златистом ветре вечера,
Пугаяся ночей,
Моя душа дрожащая...

Под голубой луной,
В златистом ветре вечера,
Счастливица ночей,
Твоя душа поющая...

Но здесь у нас в тени,
В огне моих очей,
Пугаясь света дня,
Твоя душа дрожит.

Но здесь у нас в тени,
В лучах твоих очей,
Счастливая от дня,
Моя душа поет.

8

Ночами лета голубыми,
Когда поют стрекозы,
На Францию Бог пролил чашу звезд.
До губ моих доносит ветер
Вкус неба летнего – и пью
Пространство, что свежо осеребрилось.

Вечерний воздух – край холодной чаши.
Полузакрыв свои глаза,
Пью жадным ртом, как будто сок граната,
Ту свежесть звездную, что льется от небес.

И лежа на траве,
Еще от ласки дня не охладевшей,
С какой любовью я испил бы,
Вот в этот вечер,
Безмерную ту чашу голубую,
Где бродит небосвод.

Не Вакх ли я? Не Пан ли? Я пьянюсь
Пространством, и горячее дыханье
Я укрошаю свежестью ночей.
Раскрыты губы небу, где трепещут
Созвездья – да в меня стечет все небо!
В нем да расту я!

Пространством опьянившись, небом звездным,
Гюго и Байрон, Ламартин и Шелли
Уж умерли. А все ж пространство – там,
Течет безграничное. Едва им опьянился,
И мчит меня, и пить хочу, еще!

ШАРЛЬ ВАН ЛЕРБЕРГ

САД ЗАМКНУТЫЙ

1

К грудям моим руки мои приложив,
И от игр и от прялок усталые,
Руки-подруги, чей белый свет так красив, –
Как будто я в водах дремлю,
Я сплю,
И зори над ними горят запоздалые.
Далеко от печальных и тщетных скорбей,
На престоле моей красоты светодарственном,
Эти хрупкие дремлют царицы в бестрепетной чаре своей,
Снится рукам моим о владычестве царственном.
И одна, в белокурых моих волосах,
Закрыв, как когда-то, глаза в блаженном бессилии,
Я ребенок, что держит миры, и в мирах
Я дева, что держит лилии.

2

Я играла в горящем снегу
Звезд рая,

И, сияя,
Вся теперь я ими одета,
В волосах моих бледных я их берегу,
Что мерцают, и есть они в этих глазах, полных света.
А иные растаяли здесь на губах,
А иные вот здесь на груди у меня.
На ладонях иные погасли, на белых руках.
Вся я сияю в лучах,
Вся я вкусила огня.

3

Она развязала на поясе узел, и стала, нагая,
Вся в трепете, руки свои в полумгле приходу его раскрывая.
Касания рук его были – до воздуха, ветерков, молчанья, и ночи,
И солнце явилось в глазах у нее, ослепило ей очи.
И его поцелуй, дрожащий и дикий, божеским полный сном,
Был как цветок, как цветок раскрытый, который срывают ртом.

4

Почему ты приходишь из прошлого, из минувшего,
С мечтами усталыми?
Что мне в том, что ты грезил в тех «что-то» уснувшего,
Когда я еще не была с губами этими алыми?
Не трогай прах мертвых. Дым.
Я светла.
Мои юные годы не более тяжки мыслям моим,
Чем нежная тяжесть моих волос,
И цветы, что любовь в них вплела,
В брызгах рос.

5

Я прильну к тебе здесь, на сердце твое,
Как весна на море,
На равнинах моря бесплодного,
Где никакой цветок не растет,
На просторе вод,
И ветра свободного,
Кроме цветов световых,
В этих дыханьях живых.

Я прильну к тебе здесь, на сердце твое,
Как птица морская,
Что, устав от усилья,
Прижавши к себе свои крылья,
Льнет к морю, себя отдавая,
В перистости нежной убранства,

Баюканью вод,
И море, ее качая,
Колыбелит крылатую в ритме вечном волн и пространства.

6

Протяни свои руки в зыби мои,
Это покров мой муаровый,
Это покров мой из мирры,
Нарда, бензоя;
Все мое тело умашено,
Дышит оно,
Бедра мои
Поддались благовонной волне.
Что еще из одежды осталось мне,
Это волны моих распустившихся кос,
Это волны моих золотых волос,
Это – солнце, в котором сюда я пришла,
Это – солнце, где я обнаженной была.

7

Когда ежевики багряные зрели,
Оне мои губы поцелуйные пропели,
И мои длинные волосы, теплые, теплые,
Как летний дождь.

Когда золотые лозы созрели,
Оне полузакрытые глаза мои пропели,
Истомные, светящиеся, дымкою сокрытые,
Как в осень небеса.

Во мне все дразненья вкуса, все зыби тумана,
Все разные светы. И зыбкая я как лиана.
Очертанья грудей у меня,
Как у огня
И цветов.

8

Когда твои глаза глядят в мои глаза,
Я вся, я вся в моих глазах.

Когда твой рот размыкает мой рот,
Вся любовь моя, вся, есть мой рот.

Когда до волос ты коснешься моих,
Вся жизнь, вся жизнь моя в них.

Когда ты рукою ласкаешь мне грудь,
Как огонь я внезапный вхожу в мою грудь.

Неужели тобою выбрана я?
Тут моя душа, тут вся жизнь моя.

СМЕРТЬ

О, какая рука у нее маленькая, какая белая!
Словно водная расцветность, что склонилась онемелая...

Она спит, она в успокоении,
Смерть коснулась ее.

Нет в ней чувства, она легка в своем успении,
На земле она совершила свое.

Можешь взять ее теперь, Господь, она
Счастья прикоснулась гранью сна.

На лице ее луна, луны покров,
А в глазах ее дымка облаков.

Ее рот полуоткрыт, невозмутим,
Как у края кубка, который незрим.

Пряди длинных волос ее легли волной,
Как колосья, которые легли под косой.

Вся она кроткое успокоение,
От нее отошли все тревожности прочь.

Бесшумно, медленно, без потрясения,
Дверь открывается в тихую ночь.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

К САМОМУ СЕБЕ

Итак, теперь ты навсегда утихнешь,
О, сердце утомленное мое.
Погиб обман последний, крайний, тот,
Который я считал в себе бессмертным.

Я чувствую, что умерла не только
Надежда на обманы дорогие,
Погасло их желанье. Успокойся,
Навеки. Ты довольно трепетало.
Нет ничего, что б стоило твоих
Движений, и земля не стоит вздохов.
Тоска и горечь – наша жизнь, не больше;
Мир – грязь. Теперь притихни и замри.
В последний раз отчайся. Рок нам не дал
Иного дара, кроме умиранья.
Отныне презри самого себя,
Природу, оскорбительную силу,
Которая, скрываясь, заправляет
Ущербом общим, презри бесконечность
Тщеты всего.

ХОСЕ ДЕ ЭСПРОНСЕДА

К СОЛНЦУ

Стой, Солнце, и услышь, я здесь к тебе взываю,
И в исступленьи радостном дерзаю
Вести с тобою речь.
Горит как ты мое воображенье,
И в жажде светлых встреч
К тебе высокое паренье
К золотикуму, вперед,
Души бестрепетный полет.
О, если б голос мой был звук могучий,
И превышая грозный гром,
Великий гул будя кругом,
Вознесся кверху, выше тучи,
К тебе, о, Солнце, до твоих горнил,
И ход твой средь небес остановил!
О, если б пламя, что в моем мышленьи
Всегда горит, все чувства вдруг зажгло,
К лучу, который так победен в рденьи,
Вознесся б жадный взор и просиял светло,
Мои глаза в твой лик, что светит многозорно,
Горя, смотрели бы упорно,
Не зная, сколько бы мгновений так прошло.
Как я тебя всегда любил, о, солнце в блеске!
С какой ревнивою тоской,
Ребенок малый и простой,
По небу вышнему, как будто в перелеске,
Хотел идти я за тобой,

И на тебя смотрел, блаженно-исступленный,
И созерцал твой свет душою опьяненной.
От золотых межей, где царствует Восток,
Весь опоясанный богатым Океаном,
Что спрятал жемчуга, закрыв их водным станом,
До рубежей иных, что запад в тень облек,
Пылающих одежд живое обрамленье
Распростираешь ты, величественный царь,
И миру льешь потоки рденья,
Его живишь теперь, как встарь.
От своего чела ты мечешь день блестящий,
Ты радость и душа Миров,
Твой диск дарует свет и жар животворящий,
И торжествующей короною шаров
Ты восстаешь, венец, в игре огней горящий,
Спокойно всходишь ты на золотой зенит,
На царственный престол средь неба голубого,
Ты в пламенах живых, твой лик огнем облит,
И вдруг полет задержан снова: –
Отсюда пламенный свой бег
Ты низвергаешь быстрым сходом,
И волосы твои, в сверканьи пышных нег,
Воспламененные раскинулись по водам,
Их Море приняло, волна дрожит огнем,
И весь твой блеск сокрылся в нем: –
Еще прошедший день примкнул к безмерным годам.
Столетия без числа, ты видело их все,
В бездонной пропасти времен они забыты,
И сколько пышных царств забрезжило в красе,
И были все они на грани дней изжиты.
Чем были пред тобой? В тени глухих лесов
Листы срываются на ветках оголенных,
И пляшут по кругам, под бешенством ветров,
Среди дыханий разъяренных.
Тебя не тронул Божий гнев,
Когда кипел потоп вокруг гибнущей вселенной,
И правосудною рукой был брошен сев
Карающей воды, и бури, долго пленной,
Вот ветер зарычал. Гудя, упал окрест
Разрывно-хриплый гром, как камни на откосе,
И сдвинулись, дрожа, с своих давнишних мест,
Земли алмазные скрепляющие оси.
И горы и поля – вспененный океан,
И горы и поля – могила человека.
И содрогнулась глубь, недвижная от века.
А ты над немотой потопших в бездне стран, –
Над бурей трон взнесло, как повелитель мира,
Из сумраков тогда твоя была порфира,
Но лик был отдан весь лучам,
И высоко взнесся для огненного пира,
Светило мирно ты, горя иным мирам.
И снова, свежие, другие,

Прошли столетья пред тобой,
Как волны таяли морские,
Крутятся по бездне голубой.
Толчком взаимным сокрушили
Друг друга в бешенстве зыбей,
Меж тем как в неизменной силе,
В нетленной красоте своей,
О, солнце, ты встаешь, свой лик всегда вздымая,
А тысяча веков лежит, толпа немая,
На пепелище дней.
И вечным будешь ты, всегда неугасимым?
Не потускнеет он, безмерный твой очаг?
Ты не затянешься отяжелелым дымом, –
Стремя бессмертный бег, неся горючий стяг?
Средь гибели времен, где все в забвеньи равном,
Лишь ты останешься вовек самодержавным?
Нет, потому что и к тебе
Издалека, походкой мерной,
Подходит смерть, зовя к судьбе,
Для всех, кто в мире, достоверной.
Кто знает, может быть, ты только бедный луч, –
Лишь отраженный диск иного Солнца в мире,
Который был другим, прекраснее и шире,
Как тот иной Огонь пылал вдвойне могуч!
Так услаждайся же своею красотой,
И юностью своей, о, Солнце! Будет день,
То будет страшный день, как мощною рукою
Отца высокого уроненная тень
Наляжет тягостно на шар, еще горючий,
И разорвется он, и в вечность соскользнет,
Кусок в морях огня, обломки в смуте жгучей,
Закутанный навек, могильный в свой черед,
В морях стократных бурь, во мраке бесконечном,
Твой чистый свет умрет: –
И ночь всю высь небес скует покровом вечным,
И от твоих огней, пылавших день-деньской,
Ни даже памяти не будет никакой!

К НОЧИ

Привет тебе, Ночь покоя,
Ты мир обняла величаво,
В печальном тревогу смягчаешь,
Приятной твоей темнотой.

Ручей вдалеке серебрится,
Теперь он лепечет тихонько,
И между ветвями певуче
Неясный шуршит ветерок.

Гора затянулась тенями,
Лужайки окутались в сумрак,
И звезды прерывистым светом
Чуть светят, заполнив простор.

Печального ропота полны
Потоки широкого Моря,
И в призрачном белом свеченьи
Огни проскользают волной.

Река в равномерном величьи
Течение окутала в траур,
И в поле цветистые краски
Смешались, смягченные мглой.

К ночлегу овец своих гонит
Усталый пастух торопливо,
И пахарь бодилом торопит
Лениво-тяжелых быков.

Того, кто окончил работу,
Ждет с ужином скромным супруга,
Здоровые, крепкие дети,
Уют пред живым очагом.

В твоём примиренном покое,
О, Ночь, все находят свой отдых,
И даже, кто горестный плачет,
Глаза осушаешь ты сном.

Какая услада молчанья,
Какая приязнь затемненья!
Как тихо в душе от сознанья,
Что вот она только с собой!

Угрюмый вещательный филин
Вдруг крикнет, и хриплый тот голос,
Дойдя от могилы к могиле,
На краткость прервет их покой.

Вон там, на возвышенной башне,
Чуть теплится, млея, лампада,
И черные шаткие тени
Встают, возникают кругом.

Но вот уж с серебряным дышлом
Луны восстает колесница,
И светом ее безмятежным
Залиты вершины холмов.

С величием она выплывает,

И звезды пред нею бледнеют,
Лазурь вознесенного неба
Наполнена светлым лучом.

Источник скользит безмятежный,
И, в зеркале ясном, качаясь,
Сиянье дрожит отраженьем
Среди успокоенных вод.

Речное чуть зыбится лоно,
Рыбак нагибается в лодке,
И слышится стройная песня,
И чуть ударяет весло.

Поет соловей для супруги,
Изменчиво-разною песней
Ее он баюкает нежно,
Единственный в чаще лесной.

Порою над крышею дома,
Над крышею дома другого,
Восходят колонны из дыма,
И прорваны дымы Луной.

Сквозь ветви сплетенные густо,
Лучи пробираются робко,
И листья, их ток преломляя,
Их делают смутной волной.

И вдруг ветерок умиленный
Прошепчет, летя над цветами.
И тотчас струей благовонной
Полей преисполнен простор.

Случайное эхо в ущельях
Подхватит блуждающий голос,
Немедленно эхо другое
Торопится с той же игрой.

Молчанье, покой умягченный
Сливаются с звуком неясным,
И образ темнеющей Ночи
Желанен вдвойне оттого.

Привет, о, подруга печальных,
Тоску огорченного сердца
Смягчаешь ты нежным бальзамом,
И только в тебе есть покой.

ПЕСНЬ ПИРАТА

Десять пушек там по борту,
Ветер бьется за кормою,
Не плывет – летит стрелою
Через море быстрый бриг.
Тот кораблик, тот пиратский,
Что всему известен морю,
Имя – Страшный, и не спорю,
Он слышал последний крик.
Лунный свет на море пляшет,
В парус дунув, ветер бьется,
Серебром и синью льется
Глубь морская, долгий гул.
Капитан пират веселый,
Знает в Азии все тропы,
Знает все пути Европы,
Прямиком пред ним Стамбул.

Он поет, и песня – дело.
«Ты плыви, корабль мой, смело,
Не робей.
Хоть бы встал корабль здесь вражий,
Хоть бы волны вдруг, как кряжи,
Взвились кверху, или даже
Хоть бы ветер стал хитрей,
Стал манить уплыть скорей,
Судьбы многи,
Но дороги
Не изменишь ты своей.
Двадцать схваток,
Все с добычей.
Что нам в кличе
Англичан!
Стяг оборван,
Верным ходом,
Ста народам
Разных стран.
Мой корабль – мой клад бесценный,
Воля – Бог мой, вольный я,
Путь мой ветер переменный,
Море – родина моя.
«Пусть ведут цари слепые, –
За пригоршню за одну
Праха, – дикую войну.
Волны моря голубые
Мне даруют весь простор,
Все, к чему коснется взор.
На волнах морского лона
Нет для смелого – закона,
И никто мне не укор.
Чье побережье

Где б ни было,
Что мне мило,
То мое.
Всяк узнает,
Сила – право,
В этом слава,
Мчи ее.

Мой корабль – мой клад бесценный,
Воля – Бог мой, вольный я,
Путь мой – ветер переменный,
Море – родина моя.

«Чуть раздастся крик: – «Глядите,
Мы подходим к кораблю!» –
Чует он, что утоплю,
Тотчас в нем немало прыти,
И на всех он парусах
Путь меняет на волнах,
Но с судьбой напрасно споря,
Ибо я владыка моря,
И несу с собою страх.

Я добычу
Не считаю,
Разделяю
Все равно,
Лишь бы только
В миг счастливый
Мне с красивой
Быть дано.

Мой корабль – мой клад бесценный,
Воля – Бог мой, вольный я,
Путь мой – ветер переменный,
Море – родина моя.

«Я не ведаю боязни,
К смерти я приговорен.
Как бы этот я закон
Да к тому, кто слово казни
Произнес в напрасном зле,
Не явил в моем жерле.
Иль повешу в час напасти,
Я его на зыбкой снасти,
На его же корабле.

Если ж гибель,
Ну, так что же?
Не дороже
Жизнь, чем медь.
Я уж сбросил
Все вериги,
И об иге
Не жалеть.

Мой корабль, – мой клад бесценный,
Воля – Бог мой, вольный я,
Путь мой – ветер переменный,

Море – родина моя.
«Слаще музыки не чаю,
Чем свирельный вой ветров,
Скрип и трепет парусов,
Путь вперед, куда не знаю.
В реве бури видеть рад
Раскачавшийся канат,
И среди пучины черной
Сладко слышать мне повторный
Пушек яростный раскат.
И в гуденьи,
В гуле грома
Мне знакомо –
Не с борьбой,
Но на море
Колыбельном,
В счастье цельном,
Пить покой.
Мой корабль – мой клад бесценный,
Воля – Бог мой, вольный я,
Путь мой – ветер переменный,
Море – родина моя.

ПАЛАЧ

Среди людей отброшенный к презрению,
Их преступленья жертвою я стал,
Друг друга ненавидеть избегают,
И сгромоздили ненависть во мне.
И, в руку мне вложив всю злую память,
Велели мне быть мстителем за них.
Так про себя промолвили: – «Пусть мщенье,
За нас, за всех, пусть месть в него падет.
Пусть лоб его хранит проклятье наше,
Пусть месит хлеб на желчи с кровью он,
И герб его есть вечность поношенья,
Его в наследство сыну передаст,
Он проклятый от общества навеки».
И вин своих покров швырнули мне,
И от меня поспешно убежали, –
Мой плач, мой крик, – нет жалости ему.

Кто к смерти присуждает, он возвышен.
Судья ли человеку человек?
Не чувствует палач, не человек он, –
Воображают люди иногда.
Не видно им, что тот же образ Божий
Есть и во мне! А я для них как зверь,
И зверю в пасть, порой, добычу бросят.

Как жертва там в зубах его хрустит,
Так гений зла, меня избрав орудьем,
Бросает человека мне на смерть.
И справедливо, я же лишь проклятый,
Без преступления, но преступник я? –
Взгляните, как, за смерть платя, надменен
Кто платит мне, – как деньги он швырнет
На землю, – мне, тому, кто здесь с ним равный!

Та пытка, что ломает кости, хруст,
И жалкий вскрик, с которым осужденный
Промолвит: – «Ай!», и треск разъятых жил,
Под топором, который рухнул книзу,
Моя услада. И когда под гул,
С которым голова падет на камни,
Несчастливая в кровавых брызгах вся,
Народ объят свирепой суматохой,
Мой лоб спокойно светит над толпой,
Ужасный, с торжеством неумолимым.
Весь гнев людей, и вся людская злость
Во мне, жестокость душ их нечестивых
Вся перешла дыханьем на меня,
И я, их месть, и месть мою свершая,
Весь упиваюсь ужасом моим.

Он более высок был, чем властитель,
Способный гордо растоптать закон,
Палач, вниманьем этим всенародным
Внесенный, – власть была в его плечах,
Насытился он ею, опьянился,
И в этот день он так был услажден,
Что не могли не увидеть веселья
В его лице его жена, семья: –
Взамен густого мрака страшной жути,
Увидели усмешку в горьком рте,
В глазах огонь, судьбинный и упорный.
Палач с враждой внесен был на престол,
И тот народ, который с громким криком
Его бы мог поднять на высоту,
Дрожа, признал, что он владыка мщенья.(?)

Во мне живет, как в летописи, мир,
Судьба тот свиток кровью написала,
И на страницах красных тех сам Бог
Напечатлел мой образ величавый.
Уж вечность поглотила сто веков,
И сто еще, а зло во мне, как прежде,
Свой памятник тяжелый зрит и зрит.
И тщетно человек, как ветром взятый,
Туда, где расцветает свет, летит,
Столетиями еще палач все правит!
И с каждой каплей красной, что на мне,

Вновь зримо преступленье человека,
Неразлучимо-двойственная связь: –
Отображенье всех времен прошедших,
И гневных, вслед за ними, сто теней.

О, почему от палача рожден ты,
Мой сын, мой мальчик, чистый как хрусталь?

Твой нежен рот, как будто это ангел
Сквозь детский смех улыбку показал.
Твое чистосердечие, невинность, –
О, горе мне! – вся красота твоя,
В моей душе рождают только ужас,
Зачем с несчастным этим тратишь ты,
О, женщина, любовьность нежной ласки?
Явись как сострадательная мать,
И утопи его, он будет счастлив,
Ты можешь быть уверена вполне.
Что в том, что мир тебя сочтет жестокой?
Иль хочешь ты, чтобы мое избрал
Презренное он дело? Или хочешь,
Чтоб научился проклинать тебя?
Подумай, будет день, и ты однажды
Того, кто здесь играет пред тобой,
Увидишь, как меня, проклятым в мире,
Преступным, затемненным, как меня!

ПЕРЕВОРОТЫ ЗЕМНОГО ШАРА

Уж тысяча веков прошла над миром,
Промчались как колонны из огня,
И мир, объятый страхом, видел четко,
Свою предошущая гибель в том,
Как половина видимой вселенной
Сокрылась в Море, и ушла в ничто.

Гигантский ураган безмерной дланью
Качнул миротворение кругом,
И полосы содвинулись. И путник,
Блуждая, видит горную смолу.
Берет обломок Этны, – превращает
В воздушность пыли твердую кору,
И смотрит, нет ли в этом бледном прахе
Мозаики, где Геркуланум спит.
Где древле находилась Атлантида?
Взгляни туда, в кипящий Океан,
Там корабли, что, путь не разумея,
Прибрежий дальних бросив тишину,
Доверили волнам железный якорь,

И меж обломков, скрытых там на дне,
Железный якорь в Море зацепился,
К обломкам Атлантиды он прильнул,
Вонзился в башни древней Атлантиды.

ГИМН БЕССМЕРТИЮ

Привет тебе, пламя творческое мира,
Вечного знания пылающий язык,
Чистый зачаток, исход обильный пира,
Призрак смертельный к ногам твоим поник.

Ты вещество неподвижное волнуешь,
Велишь соединяться ему и жить,
Ты глину ваяешь, и в обликах ликуешь,
В тысячах существ свою проводишь нить.

Создания свои разрушаешь напрасно,
Смерть преодолагает над жизнью порой.
И вновь из обломков встаешь ты ежечасно
В новых созиданиях торжествующей игрой.

Горнило Солнца питаешь ты собою,
Лазурью одеваешь немые небеса,
Луну серебришь над облачной мглою,
Тобой сияет зорь венчанная краса.

Рождаешь переключки в роце туманной,
Деревьям ты даруешь зеленый убор,
В реке ты, как музыка с печалью тонкотканной,
В Море – как хриплый угрожающий хор.

В цветах ты выдыхаешь их душу ароматом,
В долинах вздыхаешь любовью весной,
Шепчешь ты в крыльях воздухом разъятым,
В северном ветре гремишь глубиной.

В земле разливаешь золото обильно,
Кипящего металла извиваются ручьи,
Жемчуг расцвечает, и он хранит умильно
В пропастях Моря отсветы свои.

Туч фиолетовых сгущаешь ты ткани,
Черную мантию качаешь ты в ветрах,
Воздух зажжешь, он полон содроганий,
Ревом своим внушаешь ты страх.

Ты чистое семя жизни бесконечной,
Источник достоверный, бессмертно-молодой.

Свет, что Создатель излил к нам Вечный,
Сущность твоя – юность с красотой.

Ты тайная сила, которая владеет
Осями мира, понуждая верный ход,
Глубокое и стройное чувство, что лелеет
Любой из тех шаров, что живут небосвод.

Столетия, которые несутся, улетаю,
Твои неутомимые художники, кому
Доверена из духа резьба золотая,
Ею украшают тесную тюрьму.

Ты водоворотом, вихрем непрерывным,
Толкаешь их вперед, столетия идут,
И новым ты велишь прийти путем извивным,
И только повелишь, столетия уж тут.

В томящемся стремленье, тревожною рекою,
Уходят и приходят, не виден их конец,
И в деланьи вечном проворною рукою
Друг у друга вырывают созидающий резец.

Силы применяют в старании упорном,
Работают без устали в безмерной мастерской,
Вещество ударяют ударом повторным,
Труд умножая заботой и тоской.

В жизни текучей, в глубоком Океане,
В непрерывной перемене проплывает человек,
И творческий посев обильных созиданий
Ты льешь в него потоком неистощимых рек.

Подними, человек, чело свое высоко,
К вечному потоку припади своим ртом,
Ты будешь как солнце, как зарево Востока,
Ты будешь бессмертным, как мир кругом.

Печатается по: К. Д. Бальмонт. Из Мировой Поэзии – Берлин: Изд. Слово, 1921

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>